Brambeus, baron.
Записки домоваго.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ЗАПИСКИ ДОМОВАГО.

РУКОПИСЬ БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА, НАЙДЕННАЯ ПОДЪ ГОЛЛАНДСКОЮ ПЕЧЬЮ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

....

....,

....гомеопатически. Они удалились оба въ другую комнату. Моя жена и сестры пошли за ними; ихъ прекрасныя лица были подернуты тѣмъ туманнымъ безпокойствомъ, которое составляется изъ движущихся стихій любви, отчаянія и надежды и носится зловѣщимъ облакомъ надъ будущностью дорогихъ нашему сердцу, когда въ ней скрывается опасность. Вскорѣ услышалъ я глухіе вопли и вздохи, которые томно отражались въ моей спальнѣ, проникая съ трудомъ сквозь сухія и беззвучныя фибры досокъ затворенной двери. Слѣдственно, нѣтъ надежды! Я долженъ умереть аллопатически и гомеопатически! умереть по двумъ методамъ! вдвойнѣ умереть!....... отъ безконечно великихъ количествъ лекарства и отъ безконечно малыхъ! Это ужасно. Я думаю, что, съ тѣхъ поръ какъ люди умираютъ отъ Медицины, никто еще не испытывалъ такой печальной участи. Увѣренность въ скоромъ выздоровленіи, которая въ чахоточномъ усиливается обыкновенно по мѣрѣ ослабленія силъ, поколебалась во мнѣ въ первый разъ съ того времени, какъ лютая болѣзнь приковала меня къ постелѣ; но, къ собственному моему удивленію, страшная мысль о необходимости разстаться съ жизнію въ то самое мгновеніе, когда дни мои такъ весело озарились лучами восходящаго счастія, не произвела большаго потрясенія: она

ударилась въ мои чувства такъ глухо, такъ невнятно, какъ ударяетъ молоточекъ клавиша въ отпущенную струну, которая только зажужжитъ съ непріятнымъ бряцаніемъ, безъ звона и эха, и опять погрузится въ нѣмоту. Я слышалъ удаляющіеся шаги докторовъ, которыхъ мое семейство провожало до лѣстницы, чтобы исторгнуть у нихъ какое-нибудь признаніе, благопріятное для страдальца; но обѣ методы были непоколебимы, и ушли, кланяясь очень учтиво, въ отчаяніи, что не могли болѣе торговать моей жизнію: когда стукъ двери далъ мнѣ знать объ ихъ уходѣ, мнѣ даже стало легче и веселѣе; мнѣ показалось, что ею затворились всѣ хлопоты жизни, что все уже кончено, что я ужъ не существую. Страхъ смерти обитаетъ не въ душѣ человѣка, но въ его физической части; онъ дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока преобладаютъ матеріяльныя силы, подчиняя своимъ пользамъ духовное начало бытія; одно тѣло боится смерти, потому что смерть грозитъ ему разрушеніемъ, и какъ скоро болѣзнь и изнеможеніе отнимутъ у матеріи то страшное самовластіе, которое люди называютъ голосомъ природы, и духъ не встрѣчаетъ въ немъ болѣе противорѣчія, разрушеніе тѣла дѣлается для васъ незначащимъ, постороннимъ предметомъ. Разобщенныя колеса испорченной машины перестали издавать въ моей груди тотъ ржавый, болѣзненный скрыпъ, которымъ выражается страданіе больнаго; я впалъ въ какую-то отрадную слабость, и сколько прежде страшился смерти и не могъ подумать объ ней безъ трепета, столько теперь сталъ къ ней равнодушенъ. Эта внезапная перемѣна произошла не отъ ухода моихъ докторовъ, которыхъ мудрости я никогда не вѣрилъ: быстрый упадокъ силъ, или точнѣе, жара крови, одинъ былъ причиною этой каменной беззаботности, и я могу сравнить тогдашнее мое ощущеніе съ тѣмъ, какое испытываетъ человѣкъ, еще нѣжащійся въ теп-

лой ваннѣ и думающій, что вода уже простываетъ, что уже пора выйти изъ нея на воздухъ и одѣваться. Одиночество, въ которомъ я былъ оставленъ, одно было для меня нѣсколько тягостно: я чувствовалъ какъ-бы нужду въ рукѣ, которая бы помогла мнѣ встать изъ охладѣвающей купальни бытія и подала платье; я ждалъ, но уже безъ нетерпѣнія, возврата жены и сестеръ, чтобы проститься съ ними; чтобы сказать, что я ухожу; что онѣ не должны печалиться; что путь, который мнѣ предстоитъ, ни сколько не опасенъ; что это только перемѣна квартиры...... Пульсъ уже не бился съ нѣкотораго времени: кровь, еще теплая, уже не кружила, но стояла въ жилахъ какъ розовый спиртъ въ Фаренгейтовыхъ трубкахъ, понижаясь отвсюду къ сердцу подобно термометру, вынесенному на прохладный воздухъ, и, съ послѣднимъ, чуть-чуть примѣтнымъ, ударомъ сердца, водворилось во всемъ тѣлѣ удивительное спокойствіе. То было восхитительное безвѣтріе послѣ долгой бури. Сердце, эти единственные часы человѣческой жизни, остановилось какъ задержанный маятникъ, и время вдругъ перестало для меня измѣряться; я жилъ уже за предѣлами времени, и въ первый разъ ясно понялъ вѣчность, о которой люди, что̀ бы они ни говорили, догадываются не умомъ, а только инстинкомъ. Вѣчность! это — простое отсутствіе всякой мѣры. Состояніе человѣка невыразимо съ той минуты, какъ плоть отказывается отъ дальнѣйшей работы на его существо и предоставляетъ зданіе вѣдѣнію невещественнаго начала, духа, или, какъ его зовутъ часто, разума. Разумъ свѣтистою волною разливается тогда по всему тѣлу и выходитъ изъ него во всѣ поры въ видѣ радужнаго, нематеріяльнаго испаренія; оно образуетъ около него эѳирное облако; тѣло какъ-бы завѣшено въ атмосферѣ своего духа. Я тутъ впервые увидѣлъ мысль внѣ человѣка. Не глядя, видѣлъ я какъ въ зеркалѣ весь составъ своего животнаго

строенія, весь этотъ удивительный механизмъ милліона трубокъ, пружинъ, связей, рычаговъ и колесъ, такихъ тонкихъ, такъ искусно сцѣпленныхъ и на ту пору стоявшихъ въ бездѣйствіи; я могъ бы въ двухъ словахъ объяснить физіологамъ, которые, клянусь вамъ, не болѣе вотъ этой печи смыслятъ про образъ дѣйствованія жизни, всю эту таинственную гидростатику многочисленныхъ жидкостей, текучихъ и летучихъ, называемую «жизнію» и производящую различныя отправленія тѣла, отъ простаго движенія ногъ до трудовъ памяти и воображенія. Ни какая паровая мельница не можетъ быть простѣе этого! И это въ самомъ дѣлѣ паровая мельница. Они узнаютъ ее при смерти, въ тѣ дивныя мгновенія, которыя называютъ они послѣдними проблесками ума, и которыя суть только начало великолѣпнѣйшаго изъ явленій въ тѣлѣ,—отдѣленія вещества отъ духа, матеріи отъ не-матеріи, того отъ не-того, да отъ нѣтъ, которыхъ взаимное сочетаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположное стремленіе образуетъ одно отдѣльное цѣлое, феноменъ лица и его жизни, отрывокъ сложной машины времени, состоящей изъ соединенія всѣхъ отдѣльныхъ жизней....... Дверь тихонько отворилась, и я увидѣлъ черезъ верхъ передка моей кровати бѣлое чело жены, осѣненное черными ея волосами въ печальномъ безпорядкѣ, который придавалъ ему особенную прелесть. Я хотѣлъ позвать ее къ себѣ, но голосъ не вышелъ изъ груди, и слова—«другъ мой!» вылетѣли изъ нея безъ звука, какъ-бы произнесенныя въ совершенной пустотѣ: они потонули въ воздухѣ у самыхъ устъ моихъ, даже не пошевеливъ его, не произведши въ немъ тѣхъ круговъ, которые въ такомъ множествѣ и такъ быстро выходятъ изъ каждаго слова, упавшаго на его поверхность, дрожатъ, расширяются, несутся въ даль и исписываютъ прозрачное пространство звучащими дугами. Это былъ уже образъ того гробоваго беззвучія, которое начи-

нается за предѣлами вещества. Я понялъ, что меня тамъ ожидало....... Тихими шагами, едва касаясь земли маленькой, дрожащей ножкою, подходила ко мнѣ юная супруга. Ея блѣдное лице, заплаканные глаза, руки сложенныя на груди, медленныя движенія и измятое платье, сливались въ стройную картину столь глубокаго несчастія, что гранитъ застоналъ бы отъ подобнаго зрѣлища. Она сѣла противъ меня на стулѣ, и ея руки, судорожно сплетенныя пальцами, упали на колѣни, и ея глаза, изсушенные отчаяніемъ, устремились на мое лице съ несказаннымъ выраженіемъ любви и горести. Я видѣлъ въ нихъ прощаніе....... Бѣдная женщина! ты должна страдать одна. О, зачѣмъ не могу теперь раздѣлить твоей печали, какъ прежде раздѣлялъ твое невинное блаженство! Сердце это уже не движется! Эта кровь уже не волнуется!.... Твоя печаль только отражается на ея тиши, какъ трауръ тучъ на зеркальномъ лицѣ спящаго океана, не смущая оцѣпенѣвшихъ пучинъ страсти. Эта кровь, зажигавшаяся пламенемъ отъ одного твоего прикосновенія, — въ горячія волны которой ты такъ часто выливала всю сладость твоего существа, — которая неслась вся къ сердцу, какъ скоро твой образъ наполнялъ его счастіемъ, теперь, когда тебя раздираютъ пополамъ, когда живую зарываютъ въ землю, эта кровь даже не шелохнется! Я дѣлалъ страшныя усилія, чтобы возбудить въ себѣ печаль, и никакъ не могъ добиться до этого чувства, которое было бы тогда для меня благодѣяніемъ. Страсти мои, казалось, сзерновались около сердца и покрыли его своими холодными кристаллами....... Весь мой духъ скопился около юной супруги; я окружилъ еще недавно обожаемую женщину своей душею, которая лелѣяла ее въ своихъ объятьяхъ, проникала все ея чистое и красивое тѣло и смѣшивалась внутри его съ ея духомъ. Это не была любовь, потому что я уже не могъ любить, но

нѣчто торжественнѣе любви: милое женское существо, съ поникнутою головкою и заломанными руками, сидѣло въ облакѣ неземнаго свѣта, который дивнымъ образомъ усиливалъ ея прелести и придавалъ ей почти небесную красу. То было обоготвореніе любящей женщины. О, если бъ грубыя земныя чувства дозволили ей видѣть себя въ эту минуту!... Я собралъ послѣднія силы, чтобы высвободить руку изъ-подъ одѣяла и протянуть къ ней. Съ какою страстію схватила она своими мягкими и теплыми ладонями эту руку, желтую, сухую, оглоданную хищной болѣзнію и уже холодную! Никогда въ безумномъ упоеніи сладострастнаго восторга не цѣловала она ея съ такой жадностью и такимъ жаромъ. Она зарыдала. Слезы брызнули изъ ея глазъ и потопили руку, пригвозженную поцѣлуями къ ея устамъ. Чистѣе этого умовенія, я думаю, нѣтъ въ природѣ: оно сильно смыть даже кровь невиннаго съ руки убійцы..... Лице ея закрасилось румянцемъ; не выпуская моей руки, она подняла на меня свои большіе мокрые глаза, и, казалось, умоляла ими, чтобы я остался съ ней на землѣ; и я никогда, даже въ день нашего брака, не видалъ ея прелестнѣйшею чѣмъ въ это мгновеніе. Двѣ мои молоденькія сестры, вошедъ непримѣтно не знаю когда, стояли по другую сторону кровати, и плакали: ихъ лица, въ которыхъ огонь плача боролся съ блѣдностью и усталостью отъ безсонныхъ ночей, провсденныхъ подлѣ больнаго брата, были еще красивѣе обыкновеннаго. Заходящее солнце удивительнымъ образомъ освѣщало ихъ и всю комнату. Между-тѣмъ тѣло мое быстро остывало по всѣмъ оконечностямъ; руки и ноги, совсѣмъ оледенѣлыя, лежали подлѣ меня какъ неподвижныя глыбы, непринадлежащія къ моему составу: тамъ уже господствовала смерть; жизнь еще тлѣла въ желудкѣ, груди и головѣ, но и тутъ уже гробовой морозъ, подвигаясь

съ низу и боковъ, пожиралъ однѣ части тѣла за другими. Отдѣленіе духа отъ вещества происходило съ большой силой, и въ отдаленнѣйшихъ членахъ уже довершалось: тамъ, гдѣ духъ совсѣмъ оставилъ тлѣнное зданіе, частицы тѣла, лишенныя своей волшебной связи, тотчасъ начинали бродить, и наступало разложеніе. Въ сильномъ движеніи горести, моя жена, падая на колѣни, дернула меня за руки, не-хотя, но довольно крѣпко. Сердце мое закачалось,—тихо,—безъ бьенія, и легкая теплота неожиданно согрѣла пустую грудь. Я воспользовался минутнымъ возвратомъ жизни, чтобы сказать доброй подругѣ: «Прощай, мой другъ!..... Я былъ счастливъ, очень счастливъ съ тобою.......» Я хотѣлъ еще возблагодарить сестеръ за ихъ нѣжную привязанность, но мои уста внезапно сомкнулись, и я никакъ не могъ раздвинуть челюстей. Сердце опять остановилось. Одно только чувство, или что-то похожее на чувство, пробудилось во мнѣ при этомъ потрясеніи: то было сожалѣніе. Видя эту прелестную женщину, съ которою я надѣялся дожить на землѣ до старости,—вы сами знаете, какъ хороша моя Лиза! — этихъ милыхъ дѣвицъ, которыя выросли и разцвѣли на моихъ рукахъ; этотъ солнечный свѣтъ, который лился изъ окна на стѣну розовыми и золотыми струями, мнѣ стало жаль красоты и солнечнаго свѣта. Разстаться съ ними навсегда, никогда уже ихъ не видѣть, перейти въ неизвѣстный міръ, гдѣ они не нужны или, можетъ-статься, не существуютъ, —о, эта мысль способна отравить горечью всю сладость смертельнаго безстрастія! Все остальное въ мірѣ, право, не стоитъ ни какого сожалѣнія, и не возбуждаетъ его въ умирающемъ. Но этотъ чудесный солнечный свѣтъ!..... Но эта красота, чудеснѣе самаго солнца и свѣта!... Ихъ однихъ хотѣлъ бы я унести съ собою въ могилу. Я увѣренъ, что солнечное сіяніе создано только для того, чтобы можно было ви-

дѣть красоту..... Однако жъ, это чувство, уже послѣднее, было непродолжительно: жизнь, качающимися кругами, которые постепенно уменьшались, переносилась въ голову; я начиналъ уже ощущать усыпленіе, которое исподоволь охватывало всего меня. Охладѣлыя части тѣла казались уже спящими; тѣ, которыя были еще теплы, повергались въ сильную дремоту. Свѣтъ померкалъ въ моихъ глазахъ: плѣнительное лице жены сперва окружилось въ нихъ вѣнцомъ призматическихъ цвѣтовъ, потомъ стало рѣдѣть, разсѣеваться, исчезало, и наконецъ исчезло въ темнотѣ, прорѣзываемой волшебными огнями. Сѣтчатая ткань глаза вдругъ окаменѣла, въ ушахъ зазвенѣло, слухъ пресѣкся тоже. Я почувствовалъ родъ весьма пріятнаго опьяненія, и невыразимая сладость забвенія скоро поглотила все мое существо. Запертая обмершими чувствами мысль стала выражать послѣднія свои движенія ясными сновидѣніями, которыя были чрезвычайно разнообразны и игривы, какъ въ началѣ обыкновеннаго сна. Остатокъ воли боролся еще нѣкоторое время съ этимъ непреодолимымъ позывомъ на сонъ, и, въ промежутки пробужденія, я чувствовалъ, что круги сосредоточивающейся жизни, о которыхъ говорилъ вамъ, избравъ своимъ центромъ голову и съуживаясь постепенно, сбѣгаются въ мозгу, качаются уже около одной свѣтлой точки, наконецъ вошли всѣ въ эту точку; въ ней заключилось и все мое самоощущеніе, которое поминутно утопало въ превозмогающей дремотѣ. Мнѣ снилось, будто моя жена,—оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было,—бросилась на меня съ рыданіемъ и начала цѣловать мои ноги и колѣна. Мнѣ хотѣлось закричать ей: «Не тамъ, другъ мой!.......Тамъ уже я не существую!.......Сюда! сюда! разбей мою голову, и вдохни въ себя эту послѣднюю искру жизни, которая еще сверкаетъ въ мозгу и скоро погаснетъ.......»; но слова, произносимыя въ мысли,

не находили для себя звуковъ, что нерѣдко испытывается и во снахъ: все тѣло уже спало, то есть, было мертво, и жила только одна голова, но и та жила полужизнію,—дремотою. Сновидѣнія, чрезвычайно странныя и всё болѣе несвязныя, текли съ необыкновенною скоростью, и такъ какъ каждое изъ нихъ, продолжаясь не болѣе одного мгновенія, кажется засыпающему дѣйствіемъ, растянутымъ на большой промежутокъ времени, то я въ эти пять минутъ, пока не уснулъ, прожилъ по-крайней-мѣрѣ два или три мѣсяца. Странный обманъ тѣла! Можно было бы написать цѣлый томъ исторій, собравъ всѣ чудныя фантазіи, которыя наплодились въ моей головѣ въ короткое время этого засыпанія. Наконецъ сонъ преодолѣлъ меня,—меня, то есть, мой мозгъ, все, что еще отъ меня оставалось въ живыхъ,—и я уснулъ самымъ крѣпкимъ и роскошнымъ сномъ, какого никогда еще не испытывалъ въ жизни. Это была смерть. Вотъ и вся исторія. Я умеръ и меня похоронили; но долженъ признаться, что былъ набитый дуракъ при жизни, когда боялся того, что ни-чуть не страшнѣе обыкновеннаго сна и можетъ еще слаще его: сонъ вечерній пріятенъ только тѣмъ, что это отдыхъ послѣ трудовъ одного дня, а умирая вы засыпаете отъ изнеможенія тѣла въ цѣлый объемъ вашего земнаго существованія со всѣми его изнурительными удовольствіями, страданіями и работами, и поэтому засыпаете еще лучше. Послѣднія минуты этого оцѣпенѣнія очень похожи на то, что ощущаютъ Турки, принявъ гранъ опіума.......Вы вздыхаете?

— Да! сказалъ я моему гостю, мертвецу: мы, домовые, и вообще всѣ духи, по-несчастію безсмертны, и никакъ не можемъ умереть.

— А вы бы хотѣли тоже быть подверженнымъ смерти!

— Почему жъ не хотѣть? Однимъ лишнимъ наслажденіемъ въ жизни болѣе!

—Конечно, сказалъ мертвецъ: люди въ этомъ отношеніи счастливѣе духовъ. Но вы, господа домовые, пользуетесь тоже однимъ безцѣннымъ преимуществомъ: вы можете пролѣзть во всякую замочную скважину и вытащить въ нее все, что хотите, все, что вамъ нужно; вы пользуетесь безъ труда чужимъ добромъ, не ломая дверей и не портя замковъ, за что у людей строжайше наказывается. Что ни говорите, а это большое счастіе! Нынче много говорятъ и пишутъ на землѣ о безконечномъ совершенствованіи человѣчества, и предлагаютъ различные способы кореннаго преобразованія обществъ, чтобъ достигнуть этой высокой цѣли; но я думаю, что человѣкъ тогда только былъ бы существомъ истинно совершеннымъ, если бъ соединить въ немъ удовольствіе умереть со способностью вытаскивать незамѣтно въ замочныя скважины все, что ему понравится,—дюжину бутылокъ силери,—хорошенькую чужую жену,—Англійскую лошадь.......

Въ это мгновеніе послышался страшный шумъ на крышѣ. Я пріостановилъ моего собесѣдника; но шумъ утихъ, и мы опять принялись за нашъ интересный разговоръ.

— Ваши взгляды на усовершенствованіе человѣчества, сказалъ я, очень свѣтлы и основательны: способность эта была бы тѣмъ полезнѣе для человѣчества, что она не влечетъ за собою ни какихъ общественныхъ распрь, соблазновъ, неудобствъ: за пропажу, когда двери и замки цѣлы, поколотятъ только лакеевъ или дворецкихъ, и все кончено, — человѣчество цѣло и спокойно.

— Жаль только, что нельзя умереть дважды, присовокупилъ онъ. Это было бы еще совершеннѣе и пріятнѣе.....

Шумъ на крышкѣ, который недавно встревожилъ меня, имѣлъ основаніе. Когда мой гость произносилъ эти слова, огромная черная головешка, упавшая,

какъ потомъ оказалось, сквозь дымовую трубу, со стукомъ шлепнулась оземь между каминомъ и его рѣшеткою. Мы оба вскочили съ дивана. Я подошелъ къ камину, взялъ ее въ руки и хотѣлъ положить въ жаровникъ, потому что не люблю безпорядка и вовсе не одобряю тѣхъ домовыхъ, которые ночью переставляютъ стулья и вытаскиваютъ подушки изъ-подъ головъ, какъ кто-то вдругъ схватилъ меня за шею, и сталъ душить, цѣлуя изо-всей силы. Я оборонялся отъ этой нечаянной нѣжности, не зная, кому за нее быть благодарнымъ; отворачивалъ голову отъ непрошеныхъ поцѣлуевъ, и тутъ только увидѣлъ, что вмѣсто головешки, держу въ рукѣ двѣ козлиныя ноги, на которыхъ опирается чье-то туловище, такъ неожиданно взвалившееся мнѣ на шею со всею тяжестью своей сердечной дружбы. Я пустилъ эти двѣ ноги. Передо мной явился,—кто бы вы думали?—старинный другъ мой, чортъ Бубантесъ! Онъ хохоталъ какъ сумасшедшій, и, забавляясь моимъ изумленіемъ, бросился еще разъ цѣловать меня. Мы нѣжно обняли другъ друга и сжали.

— Другъ мой, Чурка! кричалъ Бубантесъ, внѣ себя отъ радости: здоровъ ли, веселъ ли ты? Давно мы съ тобой не видались!

— Давненько! сказалъ я. Чай, будетъ слишкомъ двѣсти лѣтъ.

— Около того..... Я совсѣмъ потерялъ тебя изъ виду, сказалъ Бубантесъ, и не зналъ даже, гдѣ ты обрѣтаешься. Я думалъ, что ты всё еще въ Стокгольмѣ.....

— Нѣтъ другъ мой, я здѣсь, сказалъ я. Съ постройки этого дома, я поселился въ немъ, вотъ именно здѣсь, на печи..... Да какими судьбами попалъ ты сюда?

— Это длинная исторія, отвѣчалъ онъ. Я раскажу ее потомъ..... Я спасался изъ одного мѣста, и не

зналъ, куда укрыться..... Смотрю, труба; я въ нее, и вотъ въ твоихъ объятьяхъ.

— Зачѣмъ же ты прикинулся головешкой..... Фуй, какъ ты меня напугалъ!

— Зачѣмъ головешкой? Да такъ! Я, вишь, хотѣлъ упасть сюда инкогнито..... Домъ мнѣ незнакомый; я боялся найти здѣсь ханжей, отъ которыхъ теперь очень опасно нашему брату, чорту: грѣшатъ вмѣстѣ съ вами, а при первомъ удобномъ случаѣ сами же на васъ доносятъ..... Знаешь ли, что ихъ опять развелось много? Я не люблю ханжей: это грѣшники, которые хотятъ надуть чорта. Гораздо лучше имѣть дѣло съ честными грѣшниками. Подумай, что они стали тискать на меня статьи въ моихъ журналахъ!

— А ты все еще возишься съ журналами? спросилъ я.

— Да, дружище! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Дѣлать нечего. Сатана приказалъ!..... Вотъ уже четвертое столѣтіе, какъ я правлю должность главнаго чорта журналистики, и довелъ этотъ грѣхъ до совершенства, а отъ Его Мрачности не получилъ ничего, кромѣ щелчковъ въ носъ, въ награду. Ахъ, если бъ ты зналъ, что это за поганое ремесло! съ какими людьми приходится имѣть дѣло! Вотъ и нынче, провелъ весь вечеръ въ одномъ газетномъ вертепѣ, гдѣ курили и клеветали хуже чѣмъ въ аду. Я завернулъ туда, чтобъ помочь состряпать маленькій журнальный грѣшокъ: въ нашемъ городѣ есть одна упавшая репутація, которая издаетъ новую книгу; рѣшено было поднять ее и поставить на ноги. Собралось человѣкъ тридцать ея пріятелей, все изъ литераторовъ. Когда я пришелъ туда, они міромъ подымали ее съ земли, за уши, за руки и за ноги. Я присоединился къ нимъ и взялъ ее за носъ. Мы дружно напрягли всѣ силы; пыхтѣли, охали, мучились, и ничего не сдѣлали. Мы подложили колья, и кольями хотѣли поднять ее. Ни съ мѣста! Ну, любезнѣйшій! ты не

можешь себѣ представить, что значитъ упавшая литературная репутація. Въ цѣлой вселенной нѣтъ ничего тяжелѣе. Мы ее бросили. Тогда я, для опыта, немножко пошевелилъ хвостомъ ихъ злобу: тутъ какъ стали они царапать и рвать всѣ репутаціи, стоячія и лежачія; какъ понесли свой грязный вздоръ, въ которомъ, кромѣ желчи и невѣжества, не было ничего годнаго даже для ада, — да такой вздоръ, что ужъ мнѣ, природному чорту, стало страшно и мерзко слушать, — такъ я не зналъ куда дѣваться! Я побѣжалъ стремглавъ, поджавши хвостъ, заткнувъ уши, зажмуривъ глаза; летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ.... и если бъ не эта труба..... Я немножко ушибъ себѣ бокъ.....Да не въ томъ дѣло: здоровъ ли ты, мой старый другъ, Чурка? Какъ поживаешь..... — Кто этотъ длинный скелетъ? спросилъ онъ, нагнувшись къ моему уху.

— Это...... покойный хозяинъ здѣшняго дома, сказалъ я шепотомъ. Онъ пришелъ ко мнѣ въ гости съ кладбища.

— Какихъ онъ правилъ?

— Очень почтенный, честный грѣшникъ.

— Познакомь же меня съ своимъ хозяиномъ, мой Чурочка. Ты всегда отличался знаніемъ свѣтскихъ приличій въ твоемъ запечкѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ я, и представилъ ихъ другъ другу. Мой пріятель Бубантесъ, главный чортъ журналистики! — Иванъ Ивановичъ, бывшій читатель! — Прошу быть знакомыми, полюбить другъ друга и взаимно садиться.

Они поклонились и пожали себя за руку.

— Вы давно изволили скончаться? вѣжливо спросилъ Бубантесъ новаго своего знакомца.

— Годъ и двѣ недѣли, сказалъ онъ.

— Какъ вы находите этотъ свѣтъ? продолжалъ любезный чортъ.

Мой мертвецъ нѣсколько смутился, не понимая вопроса.

— Когда я говорю «этотъ», быстро подхватилъ Бубантесъ, это значитъ «тотъ». Свѣтъ, который вы, при жизни, называли «тѣмъ свѣтомъ», называется у насъ «этимъ», и обратно. Вы еще не привыкли къ нашей терминологіи, но она очень ясна. Слѣдственно вы находите этотъ свѣтъ, нашъ свѣтъ, свѣтъ духовъ.........

— Очень пріятнымъ, отвѣчалъ наконецъ покойный Иванъ Ивановичъ.

— Я такъ и думалъ, сказалъ чортъ съ своей коварной усмѣшкой. Я говорю это не изъ патріотизма, но многіе очень просвѣщенные путешественники съ того свѣта, то есть, съ людскаго свѣта, находятъ, что здѣсь гораздо отраднѣе и веселѣе.

— И я того же мнѣнія, сказалъ мертвецъ. Особенно мнѣ нравится здѣсь это удивительное спокойствіе и безстрастіе, которыми отличается жизнь мертвецовъ. Нельзя сказать, чтобы и жизнь того, человѣческаго, свѣта не имѣла своихъ прелестей..... Есть кой-какіе очень пріятные грѣхи, для которыхъ стоитъ потаскать тѣло на своихъ костяхъ извѣстное число годовъ, но самое важное неудобство той жизни — это теплая кровь; кровь, которая ворочается въ васъ мельницею, кружится настоящимъ омутомъ, разгорячаетъ васъ при каждомъ движеніи, при каждомъ обстоятельствѣ, пораждая тѣ вспышки внутренняго жара, которыя называютъ тамъ страстями; которая жжетъ васъ, душитъ поминутно, содержитъ тѣло въ безпрерывномъ безпокойствѣ, разоряетъ его, начиняетъ болѣзнями...... Это второй адъ, быть-можетъ еще хуже настоящаго! Вообще, тамъ очень душно отъ теплой крови, и я ни за какое благо не согласился бъ воротиться туда, развѣ когда-нибудь, совершенствуя человѣчество, выдумаютъ холодныя страсти. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ нѣтъ крови, и ничто васъ не тревожитъ; вы всегда

наслаждаетесь ровною и отрадною прохладой ума, совершенною сухостью чувства, восхитительнымъ отсутствіемъ страстей......

— Здѣсь бы и писать безпристрастныя критики! воскликнулъ Бубантесъ, весело повернувшись трижды на одной ножкѣ журнальнымъ франтомъ. Мои молодцы завели въ одномъ городѣ, недалеко отсюда, фабрику безпристрастія, да что-то нейдетъ! По-сю-пору мы выдѣлываемъ только простую брань безъ ума, которая худо продается.

— Да что жъ вы стоите? сказалъ я моимъ гостямъ. Присядьте, пожалуйста, у меня.

— Гдѣ жъ у тебя сидѣть? сказалъ Бубантесъ, оглядываясь. Тутъ нѣтъ ни одного гвоздя въ стѣнѣ! Если бъ были три гвоздика, мы усѣлись бы рядкомъ

Онъ прошелся по залѣ, и, приблизившись къ камину, увидѣлъ, что, подъ черною корою перегорѣвшаго угля, мерцаетъ еще огонь. Онъ разгребъ верхніе уголья, и, отъ нечего дѣлать, началъ поправлять жаръ, уравнивать лопаткой, раздувать.

— Не угодно ли тебѣ чего-нибудь у насъ отвѣдать? спросилъ я его.

— Съ моимъ удовольствіемъ-съ, сказалъ чортъ, занятый своей работой. А что у тебя есть? Нѣтъ ли Англійской горчицы?

— Какъ не быть!

Я порхнулъ въ буфетъ, и вытащилъ сквозь ключевую скважину большую банку превосходной Англійской горчицы, желтой какъ золото и крѣпкой какъ огонь. Онъ взялъ банку въ одну руку, другой поднялъ вверхъ полы своего Нѣмецкаго кафтана, и сѣлъ въ каминѣ на горящихъ угольяхъ.

— Вы позвольте мнѣ сидѣть здѣсь, сказалъ онъ: это мое любимое мѣсто; а сами садитесь въ кресла передъ каминомъ, и будемъ бесѣдовать.

Мертвецъ погрузился въ красныя вольтеровскія кресла, которыя я ему придвинулъ; я взялъ стулъ, и мы составили тѣсный дружескій кругъ около камина, котораго вліяніе на чистосердечіе бесѣды и домашнее счастіе извѣстно отчасти и людямъ. Бубантесъ увѣрялъ меня однажды, что объ этомъ измарано у нихъ столько бумаги, что онъ берется топить ею въ теченіе цѣлаго мѣсяца тридцать тысячъ бань. Я люблю этого милаго и умнаго чорта, но повременамъ онъ лжетъ какъ Александрійскій Грекъ!

– Объ чемъ вы изволили разсуждать между собою до моего прихода? сказалъ онъ, взявъ изъ банки ложечку горчицы. Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь со мной........ Продолжайте вашъ разговоръ.....

– Мы говорили о людяхъ, сказалъ я. Объ чемъ же говорить болѣе? Иванъ Ивановичъ описывалъ мнѣ тѣ пріятныя ощущенія, которыя человѣкъ испытываетъ въ минуту смерти.......

– Твоя горчица чудо! прервалъ меня Бубантесъ. Я не имѣлъ чести быть на званомъ обѣдѣ, который Яковъ II, король Англійскій, стряпалъ для чорта, и для котораго онъ набралъ три самыя тонкія адскія блюда, – Лимбургскій сыръ, жевательный табакъ и горчицу; но и у него не было ничего подобнаго. Вы говорили о смерти?

– Ты очень любезенъ, сказалъ я: горчица самая обыкновенная. Да; объ удовольствіяхъ смерти. И въ то самое время, когда ты къ намъ провалился, Иванъ Ивановичъ дѣлалъ весьма основательное замѣчаніе, что жизнь человѣка была бы вдвое пріятнѣе, если бъ онъ могъ умирать дважды.

– Умирать дважды? сказалъ чортъ, набивая себѣ ротъ горчицею. Если человѣкъ желаетъ умереть дважды, пусть передъ смертью онъ ляжетъ спать и умретъ уже проснувшись. Уснуть или умереть, это все

равно. Шекспирово perchance тутъ ничего не поможетъ. Между смертію и сномъ нѣтъ ни какой разницы; развѣ та, что отъ смерти нельзя очнуться.

— Однако жъ я читалъ на томъ свѣтѣ, что когда тѣло погружается въ сонъ и бездѣйствіе, тогда духъ, свободный отъ его бремени, дѣйствуетъ съ особенною силою и свѣтлостью.........

Чортъ захохоталъ такъ крѣпко, что чуть не уронилъ банки и не разметалъ жару по всей залѣ.

— Ха, ха, ха! тѣло въ бездѣйствіи, а духъ въ дѣйствіи! Ха, ха, ха! Знаете ли, что такое вы читали? Извините, что я смѣюсь! Ха, ха, ха, ха, ха! Мнѣ нельзя не смѣяться, потому что я знаю, откуда это вышло. Мой пріятель, чортъ Кода-нера, большой шарлатанъ, выдумалъ эту исторію для магнитистовъ, и они вмѣстѣ надули многихъ. Шутка была удачная, но удить ею можно только живыя головы, а не мертвецовъ. Съ такой головой какъ ваша, совершенно пустой, чистой, безъ этого мягкаго, дряннаго мозга, которымъ завалены черепы на томъ свѣтѣ, невозможно повѣрить такой безсмыслицѣ. Какъ вы хотите, чтобы въ непогребенномъ человѣкѣ духъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ тѣла или тѣло отдѣльно отъ духа, когда тѣло органическое есть сліяніе, въ данную форму, вещества съ невеществомъ, матеріи съ духомъ, и когда расторженіе ихъ самотѣснѣйшей связи тотчасъ уничтожаетъ тѣло? Вы намекаете на сны? Вы, можетъ-статься, хотите представить сновидѣнія въ доказательство отдѣльнаго дѣйствованія духа въ тѣлѣ, оцепенѣвшемъ и неподвижномъ? Но сновидѣнія, сударь мой, происходятъ только въ полу-бдѣніи, во время дремоты, а не совершеннаго сна, въ минуты засыпанія и пробужденія. Оттого, вы ихъ и помните! Но какъ скоро человѣкъ погружается въ сонъ полный и ровный, всѣ умственныя отправленія прекращаются совершенно; духъ его находится въ настоящемъ о-

цѣпенѣніи; онъ ничего не чувствуетъ, не мыслитъ и не помнитъ; онъ мертвъ кругомъ, умеръ, и живетъ только относительно къ неутраченной еще возможности прійти опять въ полную духовно-вещественную жизнь. Сладость, которую вы чувствуете засыпая, есть именно слѣдствіе этого погруженія духа въ совершенное бездѣйствіе, въ смерть. Мы, черти, знаемъ это лучше васъ. Сколько разъ человѣкъ засыпаетъ, столько разъ онъ дѣйствительно умираетъ на извѣстное время. Вы можете мнѣ повѣрить. Такимъ образомъ, земное его существованіе составлено, какъ вы изволите видѣть, просто изъ безпрестанной перемежевки періодической жизни и смерти. Иначе вы не объясните сна. И замѣтьте, милостивые государи, что этотъ періодической возвратъ жизни и смерти соотвѣтствуетъ періодическому появленію и исчезанію солнца на горизонтѣ и что мысль, разумъ, когда нѣтъ насилія природѣ, прекращается какъ скоро оно заходитъ. Изъ этого вы можете выводить заключенія, какія вамъ угодно, а я между-тѣмъ буду ѣсть горчицу.

— Самое простое, заключеніе, сказалъ мой мертвецъ улыбаясь*, есть то, что я, который въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ имѣлъ каждый день удовольствіе умирать и оживать, самъ этого не примѣчая, былъ такой же дуракъ, какъ Моліеровъ дворянинъ изъ мѣщанъ, который не зналъ, что онъ весь вѣкъ говорилъ прозою.

— Вы умный мертвецъ, и дѣлаете сравненія чрезвычайно удачныя, сказалъ коварно Бубантесъ: но вы можете присовокупить, что когда, такимъ образомъ засыпая и просыпаясь, умирая и воскресая попеременно, вы наконецъ доспали до такого сна, во время котораго потеряли всю теплоту и отъ котораго не могли уже проснуться, тогда вы умерли окончатель-

* Это должна быть метафора. У мертвеца, кажется, не было устъ.

но, навсегда, — обстоятельство, которому я обязанъ вашимъ пріятнымъ знакомствомъ и честью бесѣдовать съ вами въ этомъ мѣстѣ у общаго нашего пріятеля, домоваго Чурки. Сонъ, сударь мой, есть смерть теплая, а смерть сонъ холодный. Все дѣло состоитъ въ температурѣ. Замерзаніе здороваго человѣка начинается сномъ. Это знаютъ и черти и люди. Но полно объ этомъ. Часто ли вы бываете у нашего почтеннаго Чурки?

— О, нельзя сказать того, чтобы часто! воскликнулъ я.

— Сегодня въ первый разъ я рѣшился оставить кладбище, отвѣчалъ мертвецъ: по одному непріятному случаю.......

— По какому?

— У насъ, изволите видѣть, вышла ссора съ сосѣдкой. Меня похоронили подлѣ какой-то сварливой бабы, старой и гадкой грѣшницы, скелета криваго, беззубаго и самаго безобразнаго, какой только вы можете себѣ представить. Пока мой гробъ былъ цѣлъ, я не обращалъ на нее большаго вниманія, но на прошедшей недѣлѣ онъ развалился, и съ тѣхъ поръ житья мнѣ отъ нея нѣтъ въ землѣ. Эта проклятая баба, — ее зовутъ Акулиной Викентьевной, — толкаетъ меня, бранитъ, щиплетъ, кусаетъ, и говоритъ, что я мѣшаю ей лежать покойно, что я стѣснилъ собою ея обиталище.......

— Ну-съ?

— Ну, словомъ, мочи нѣтъ съ нею! Мы подрались. Я, кажется, вышибъ ей два послѣдніе зуба, которые еще оставались въ верхней челюсти.

— Ну, ну!

— Да, правда, вырвалъ еще нижнюю челюсть и кость правой ноги, и бросилъ ихъ куда-то далеко въ ровъ.

— Что жъ она на это?

— Ничего. Она пошла по всѣмъ гробамъ отыскивать челюсть и ногу, всполошила всѣхъ покойниковъ, перебранилась со всѣми остовами, которые впрочемъ давно терпѣть ея не могутъ. Она никому не даетъ покоя, саженъ на сто вокругъ.

— А вы что на это?

— А я между-тѣмъ ушелъ, и, гуляя, завернулъ сюда, посмотрѣть, что дѣлается въ этомъ домѣ по моей смерти.

— Вы же говорили, что вамъ такъ нравится удивительное спокойствіе нашего свѣта? сказалъ насмѣшливый чортъ.

— Конечно, говорилъ, отвѣчалъ мертвецъ: на какомъ же свѣтѣ нѣтъ маленькихъ непріятностей? Впрочемъ, всѣ подобныя суматохи происходятъ здѣсь такъ тихо, такъ хладнокровно, что ихъ нельзя и называть суматохами. То ли дѣло на томъ свѣтѣ! Тамъ кровь пережгла бъ вамъ всѣ жилы; тамъ страсти задушили бъ васъ намѣстѣ; тамъ уже случился бъ съ вами ударъ.... Я рѣшительно предпочитаю нашъ мертвый міръ тому, и могу сказать, что если бъ не случайное неудобство быть иногда положеннымъ въ землѣ подлѣ старой бабы, сверхъестественный свѣтъ былъ бы совершенство.

— Такъ вотъ какая исторія! воскликнулъ чортъ. А я, признаюсь откровенно, не имѣя чести васъ знать, думалъ все это время, что вы приволакиваетесь въ здѣшнихъ странахъ за какой-нибудь красоткой того свѣта. Вы меня извините, но это часто случается съ вашей братьею. Я знавалъ многихъ мертвецовъ, которые просиживали по цѣлымъ ночамъ въ спальняхъ, подлѣ прежнихъ своихъ возлюбленныхъ и потихоньку прикладывали свои холодные поцѣлуи къ ихъ горячимъ спящимъ устамъ. О, между вами, господа скелеты, есть ужасные обольстители прекраснаго пола!....... И тутъ

нѣтъ ничего удивительнаго. Привычка большое дѣло! Это остается въ костяхъ.

Мертвецъ смутился. Онъ не зналъ, что отвѣчать чорту, боясь по-видимому, чтобы, Бубантесъ не донесъ на него въ адъ. Я рѣшился вывести его изъ затрудненія.

– Что грѣха таить, Иванъ Ивановичъ! сказалъ я. Мы можемъ говорить здѣсь откровенно. Мой старый другъ, Бубантесъ, не такой чортъ, какъ вы думаете. Онъ не въ состояніи сдѣлать подлости.......

Мертвецъ ободрился.

– Признаться, сказать, продолжалъ я: покойный Иванъ Ивановичъ пришелъ собственно посмотрѣть на свою красивую супругу, которая спитъ, вотъ, черезъ три комнаты отсюда. При жизни они обожали другъ друга до безпамятства. Ему теперь не кстати быть влюбленнымъ, будучи безъ крови и тѣла, но его бѣдная жена по-сю-пору души въ немъ не чаетъ. Какъ она плакала объ немъ! какъ рыдала! какъ нѣжно призывала его по имени, засыпая прошедшій вечеръ! Я одинъ тому свидѣтель!....... Больно смотрѣть на ея мученія, на ея отчаяніе, на ея безнадежную любовь.

Мертвецъ былъ растроганъ до глубины костей. Онъ сидѣлъ неподвижно, съ поникнутой головой, сложивъ руки на груди.

– Когда покойный Иванъ Ивановичъ пришелъ сюда, какъ-бы исторгнутый изъ земли ея любящимъ, магнитнымъ сердцемъ, какъ-бы невольно привлеченный имъ сюда, мы пошли къ ней въ спальню и нашли ее въ самомъ умильномъ положеніи. Она спала, обнявъ бѣлыми и полными руками подушку, смоченную потокомъ слезъ, на которой покоилась ея прелестная головка; обнаженныя плечи и часть груди имѣли гладкость, блескъ и молочную прозрачность алебастра; пурпуровыя губки были полураскрыты и обнаруживали два ряда прекрасныхъ, перловыхъ зубовъ; въ лиліяхъ ли-

ца игралъ огонь розоваго цвѣта удивительной чистоты и нѣжности; она была очаровательна какъ духъ высокихъ сферъ, и, казалось, пламенно жала эту подушку къ своей груди.......

— Вдовьи правы! сказалъ злой Бубантесъ вполголоса съ хитрою усмѣшкой.

— Она, средь своей, какъ ты говоришь, теплой смерти, такъ страстно и такъ чисто любила мужа, похищеннаго у ней смертью холодной, что мнѣ стало досадно быть только духомъ подлѣ такого плѣнительнаго тѣла, а покойный Иванъ Ивановичъ не выдержалъ и поцѣловалъ ее въ самый ротикъ, — да такъ, что его мертвые зубы стукнули въ ея зубки!.....

Бубантесъ коварно мигнулъ покойнику.

— Э!...... каковы наши мертвецы! Что, если бъ хорошенькія женщины знали, какъ вы, господа, лобызаете ихъ по ночамъ?...... Вѣдь это ужасъ!

— Ахъ, почтеннѣйшій, воскликнулъ мертвецъ, она такая добрая! такая прекрасная! Это самая удивительная женщина, какая только существуетъ подъ солнцемъ! За одинъ ея поцѣлуй можно отдать цѣлое кладбище, а для того чтобы поцѣловать ее, стоитъ, даю вамъ слово, сдѣлать путешествіе въ міръ вещественный.

— И притомъ какая добродѣтельная! примолвилъ я. Вотъ ужъ, любезный Бубантесъ, посмотрѣли бъ мы, какъ бы ее - то ввелъ ты во искушеніе!

— За себя я не отвѣчаю, скромно сказалъ онъ: я не ловокъ на эти дѣла, и притомъ никогда не занимался женскою частью; но, увѣряю тебя, у насъ есть черти, которые соблазнятъ всякую женщину, хоть бы она вылита была вся изъ добродѣтели. Я видалъ удивительные примѣры.

— Изъ добродѣтели, такъ! возразилъ покойный мужъ: но не изъ любви. Когда женщина вылита вся изъ чистой любви къ одному мужчинѣ, когда эта лю-

бовь сдѣлалась ея жизнью, стихіей, которою она дышитъ, второю душой ея, тутъ ужъ чертямъ нѣтъ поживы......

– Продолжайте, сказалъ равнодушно Бубантесъ, становя банку съ горчицей наземь.

Онъ снялъ съ головы свой высокій остроконечный колпакъ, и началъ приготовлять изъ него родъ мѣшка.

– Любовь въ женщинѣ дѣлаетъ чудеса, продолжалъ мертвецъ. Эта непонятная сила превращаетъ существо слабое въ самое сильное волею, въ самое торжественное благородствомъ чувствованій. Тогда предметъ ея любви теряетъ для ней свои земныя формы, стáновится идеаломъ, господствуетъ надъ нею вблизи и издали; пространства для ней исчезаютъ; самое время безсильно, и она живетъ въ своемъ возлюбленномъ, раздѣленъ ли онъ съ нею разстояніемъ, живъ ли или зарытъ въ могилѣ.......

– Ну, сказалъ чортъ, занятый весь своимъ мѣшкомъ, который онъ комкалъ на колѣняхъ, не глядя на насъ.

–Я увѣренъ, сказалъ мертвецъ, что эта таинственная сила, которая такъ же крѣпко связываетъ два существа между собою, какъ духъ связываетъ частицы матеріи въ живомъ тѣлѣ и образуетъ изъ нихъ одно правильное цѣлое, не уничтожается смертью одного изъ двухъ существъ; что она продолжаетъ соединять тѣло одного съ прахомъ другаго даже сквозь пластъ земли, который ихъ раздѣляетъ; что она разрушается только при окончательмомъ разрушеніи обоихъ тѣлъ, и тутъ еще она должна жить въ душахъ ихъ: улетѣвъ въ дальнія пространства, ихъ души безъ-сомнѣнія отыскиваютъ другъ друга и сливаются тамъ въ одну душу той же любовью.

– Ахъ, какой же вы читатель! закричалъ чортъ покойнику, смѣясь отъ чистаго сердца. Вы настоя-

щій читатель! Подите-ка сюда! Чурка, поди и ты сюда! Смотрите мнѣ въ горсть, когда ее раскрою.

Мы подошли къ нему. Онъ погрузилъ руку въ мѣшокъ, сдѣланный изъ колпака, собралъ что-то внутри, вынулъ кулакъ, и, раскрывая его, сказалъ:

– Смотрите!...... Вотъ любовь.

На черной его ладони взвилось пламя чрезвычайно тонкое, прозрачное, летучее, удивительной красоты: въ одно мгновеніе ока оно перемѣняло всѣ цвѣта, не останавливаясь ни на одномъ, что придавало ему самый блистательный и нѣжный отливъ, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно.

– Какъ! это любовь? вскричалъ изумленный мертвецъ, хватая своей костяной лапою это чудесное пламя, которое въ тотъ же мигъ исчезло.

– Самая чистая любовь, сказалъ чортъ, улыбаясь и посматривая ему въ глазныя впадины съ любопытствомъ. Что, хороша штука?....... Мой колпакъ, сударь, лучшая химическая реторта въ мірѣ. Вы можете быть увѣрены, что это любовь: я выжалъ ее изъ воздуха и очистилъ отъ всѣхъ постороннихъ газовъ. Любовь, милостивые государи, разлита въ воздухѣ.

Бубантесъ надѣлъ колпакъ на голову и всталъ съ жаровника. Мы начали ходить по залѣ и разсуждать объ этомъ пламени. Мертвецу никакъ не вѣрилось, чтобы это была настоящая любовь, но чортъ говорилъ такъ убѣдительно, столько клялся своимъ хвостомъ, что наконецъ тотъ согласился съ нимъ въ возможности отдѣлять это роскошное чувство отъ воздуха и продавать его въ бутылкахъ. Они расчитали всѣ прибыли отъ подобной фабрикаціи, – покойный Иванъ Ивановичъ былъ при жизни большой спекулянтъ, – и находили одно только неудобство въ этой новой отрасли народной промышлености: что многіе станутъ поддѣлывать издѣліе и продавать ложную любовь въ такихъ же бутылкахъ, тѣмъ болѣе

что и теперь, безъ перегонки воздуха, поддѣльная любовь составляетъ весьма важную статью внутренней торговли, хотя и не показывается въ статистическихъ таблицахъ.

Бубантесъ былъ восхитителенъ во время этого разсужденія: онъ сыпалъ остротами, шутилъ и говорилъ такъ добродушно, что тотъ, кто бы его не зналъ, никогда бъ не предполагалъ въ немъ чорта. Впрочемъ, надобно отдать справедливость чертямъ, что между ними есть очень любезные малые. Иванъ Ивановичъ весьма съ нимъ подружился. Онъ сталъ распрашивать его, какимъ образомъ дѣйствуетъ это миленькое летучее пламя на людей, такъ, что эти плуты обожаютъ другъ друга.

— Вы знаете, что такое « поляризація »? сказалъ чортъ.

— Поляризація-съ! воскликнулъ покойникъ. Да, знаю, поляризація. Я читалъ объ ней. Но вы можете говорить такъ точно, какъ-будто бъ я ничего не зналъ.

— Здѣшніе мертвецы набитые невѣжды, сказалъ мнѣ на ухо Бубантесъ. — Вы знаете, продолжалъ онъ громко, что въ природѣ есть теплота, магнитность, свѣтъ, электричество, то есть, вы знаете, что ничего этого нѣтъ въ природѣ, а есть одно вещество, чрезвычайно тонкое, чрезвычайно летучее, которое разлито вездѣ и проникаетъ всѣ тѣла, даже самыя плотныя; для котораго алмазъ и золото то же что губка для воды и воздуха, и котораго самъ чортъ не разгадаетъ, а домовой, мертвецъ и человѣкъ и подавно. Оно, то производитъ ощущеніе тепла, и тогда человѣкъ называетъ его теплотою; то вылетаетъ изъ облака въ видѣ громовой молніи или изъ натираемаго стекла въ видѣ сѣрной искры, и тогда получаетъ у людей имя электричества; то направляетъ одинъ конецъ желѣзной иглы къ сѣверу, а другой къ югу, и тогда величаютъ его магнитностью; то наконецъ поражаетъ глазъ своимъ блескомъ и называется свѣтомъ. Оно темно и свѣтисто,

палящe и морозно, животворно и убійственно. Незримое, одаренное столь различными свойствами, это хамелеоническое вещество обнаруживается каждый разъ въ другомъ образѣ, и поражаетъ бѣднаго человѣка столькими противоположными явленіями, что онъ, будучи не въ силахъ связать ихъ своей дрянной логикою, принужденъ былъ раздѣлить его на четыре разныя вещества, которымъ присвоилъ четыре ряда примѣченныхъ имъ феноменовъ, болѣе или менѣе сходныхъ между собою, и придумать для каждаго ряда особую теорію. Мой пріятель, чортъ Кода-пера, уже три столѣтія морочитъ ученыхъ этимъ веществомъ, диктуя имъ самыя странныя теоріи, для того чтобы ихъ мучить, бѣсить, ссорить между собою и доводить до того, чтобы они другъ друга называли ослами. Это единственный доходъ Сатаны отъ ученыхъ. Съ нихъ нечего взять болѣе. Я завелъ для нихъ кой-какіе журналы. Теперь онъ съигралъ съ ними новую штуку: когда они нагородили системъ обо всемъ этомъ, написали тму книгъ о магнитности и увѣрились, что она вещество совершенно особое и самостоятельное, онъ вдругъ выкинулъ имъ магнитную искру, которая точь-въ-точь искра электрическая. Они перессорились въ моихъ журналахъ, но этотъ плутъ убѣдилъ ихъ заключить перемиріе на томъ условіи, чтобы оба вещества, впредь до распоряженія, соединились въ одно подъ сложнымъ именемъ электро-магнитности. Со-временемъ онъ намѣренъ подсунуть имъ другое, еще страннѣйшее названіе, — свѣто-тепло-электро-магнитности, и все-таки они не будутъ знать, что это за вещество и не поймаютъ его руками; а я вамъ, друзья мои, показалъ его вотъ на этой ладони. Согласитесь, что оно прелестно, и поздравьте себя съ тѣмъ, что вы не люди: по-крайней-мѣрѣ вы могли его видѣть. Такъ какъ для него нѣтъ имени, то назовите его, какъ угодно, хоть электро-магнитностью. Для меня все рав-

но. Но вотъ въ чемъ еще дѣло: не подлежитъ сомнѣнію, что у каждой палки есть два конца, и что одинъ изъ нихъ противоположенъ другому; что одинъ *не то*, что другой, хотя палка все одна и та же. Все, что ни существуетъ въ мірѣ, составлено изъ такихъ же двухъ противоположностей: дню противоположна ночь, свѣту темнота, теплу холодъ, движенію бездѣйствіе, бдѣнію сонъ, жизни смерть, да — нѣтъ: я могъ бы насчитать вамъ три тысячи триста девяносто девять такихъ противоположностей, и довести васъ наконецъ до послѣдней противоположности, выше которой уже ничего нѣтъ, — матеріи и духа. Какъ скоро есть матерія, есть и духъ: я думаю, что это ясно. То самое противопоставленіе постояннаго да и нѣтъ обнаруживается и въ умственномъ мірѣ: вы имѣете тамъ надежду и отчаяніе, жестокость и кротость, состраданіе и презрѣніе, смиреніе и гордость, вражду и дружбу, любовь и ненависть, и прочая, и прочая. Вы согласитесь, что хотя любовь и ненависть суть одно и то же чувство, хотя любовь составляетъ одинъ конецъ страсти, а ненависть другой, дѣйствія и свойства ихъ такъ противны, что ихъ принимаютъ обыкновенно за двѣ различныя вещи. Вещество о которомъ я вамъ докладывалъ, это прекрасное, летучее и незримое пламя, эта электро-магнитность, имѣетъ тоже свои два конца, свои двѣ противоположности, свое да и свое нѣтъ. Когда вы взволнуете его въ стеклянномъ прутѣ посредствомъ тренія, оно тотчасъ раздѣляется на два противныя свойства, и въ одномъ концѣ прута притягиваетъ къ нему разныя легкія тѣла, въ другомъ ихъ отталкиваетъ. — Первое свойство, — извини, любезный Чурка, шепнулъ мнѣ Бубантесъ, что я толкую вещи давно тебѣ извѣстныя: этотъ мертвецъ ничего не понимаетъ! — первое свойство чортъ Кода-нера присовѣтовалъ ученымъ назвать электричествомъ положительнымъ,

а второе электричествомъ отрицательнымъ, и запуталъ ихъ словами до того, что они вѣрятъ въ два электричества; но вы, какъ умный мертвецъ, вы видите, что это та же исторія тепла и холода, любви и ненависти. Такому раздѣленію свойствъ дали имя поляризаціи электричества. Эти два противныя свойства одного и того же вещества часто избираютъ своимъ обиталищемъ даже два отдѣльныя тѣла: одно облако, напримѣръ, электризируется положительно, а другое отрицательно. Когда вы, опять, взволнуете это вещество въ полоскѣ желѣза, натирая ее ключемъ отъ середины сперва къ одному концу, а потомъ отъ середины же къ другому, оно устремляетъ одинъ конецъ полоски къ сѣверу, а другой къ югу. Это магнитная стрѣлка. Сѣверный конецъ ея зовутъ положительнымъ, южный отрицательнымъ, а самое явленіе поляризаціей. Возьмите жъ теперь двѣ такія стрѣлки и сблизьте ихъ между собою: конецъ положительный одной стрѣлки оттолкнетъ отъ себя положительный конецъ другой; двѣ отрицательныя стрѣлки тоже будутъ удаляться другъ отъ друга; но стрѣлка положительная съ концемъ отрицательнымъ тотчасъ сцѣпятся и поцѣлуются. Вотъ любовь! Назовите теперь положительные концы стрѣлки мужскими, а отрицательные женскими, и все вамъ объяснится: полы одинаковые отталкиваются, полы различные стремятся другъ къ другу. Это любовь въ желѣзѣ. Она проявляется такимъ же образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ металлахъ и камняхъ. Она существуетъ и между двумя облаками, въ которыхъ скопились два противныя свойства электричества, носящагося въ воздухѣ. Она сгибаетъ въ лѣсу двѣ финиковыя пальмы, одну къ другой, самца къ самкѣ, изъ которыхъ первый всегда обнаруживаетъ электромагнитность положительную, а вторая отрицательную. То же происходитъ и въ животныхъ, то же и въ людяхъ. Около эпохи совершеннолѣтія молодой че-

ловѣкъ и дѣвица начинаютъ вбирать въ себя изъ воздуха летучее вещество и электризироваться, одинъ положительно, а другая отрицательно, въ южныхъ странахъ сильнѣе, а въ сѣверныхъ слабѣе, и даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе и менѣе, смотря по сложенію тѣла, здоровью, степени воспріимчивости, времени года и множеству другихъ обстоятельствъ. Когда они достаточно наелектризированы, поставьте ихъ лицемъ одного къ другому; пусть они взглянутъ другъ на друга: лишь только лучъ зрѣнія приведетъ въ сообщеніе ихъ электричества, съ той минуты они влюблены, они полетятъ другъ къ другу, какъ два облака, и будетъ громъ, молнья, ударъ и дождь. Тутъ и чорта не надобно. Вотъ почему я никогда не любилъ этой части: она слишкомъ механическая! Вы не влюблялись въ малолѣтную дѣвочку, потому что она еще не достаточно наэлектризирована тѣмъ чуднымъ веществомъ, которое я выжалъ для васъ изъ воздуха въ моемъ колпакѣ. Вы отвращались отъ бабы, потому что въ эпохѣ старости человѣкъ разряжается и теряетъ почти всю свою электро-магнитность. Мѣсяцъ любви для всей природы тотъ самый, въ который наиболѣе этого вещества въ воздухѣ. Мой пріятель Аддисонъ сказывалъ мнѣ, что очень милая и скромная леди призналась ему, что она берется быть равнодушною къ своему мужу круглый годъ, кромѣ мая мѣсяца, въ которомъ она не отвѣчаетъ........

Бубантесъ вдругъ остановился. Мы проходили тогда мимо оконъ залы. Онъ подбѣжалъ къ окну, какъ-будто примѣтилъ на улицѣ что-то необыкновенное; посмотрѣлъ, и снова воротился къ намъ, заложивъ назадъ руки.

— Такъ-то, сударь мой! сказалъ онъ. Теперь вы будете въ состояніи растолковать всему кладбищу, что такое любовь. Когда бы вы умѣли добывать это вещество изъ воздуха и знали еще способъ хорошо соеди-

нять его съ тѣломъ, вамъ самимъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, не трудно было бы.......заставить Монъ-Бланъ........влюбиться до безумія въ Этну.......

Онъ бросился къ другому окну, на которое его безпокойные глаза были уже устремлены при послѣднихъ словахъ, и началъ пристально всматриваться въ улицу.

— Господа! сказалъ онъ, отскочивъ отъ окна: подождите меня здѣсь, я сейчасъ буду назадъ. Мнѣ надобно сказать нѣсколько словъ одному человѣку....... Иванъ Ивановичъ, не уходите. — Не выпускай его, Чурка! сказалъ онъ тихо, перегибаясь къ моему уху, и исчезъ.

Внезапное его удаленіе немножко насъ удивило, но мнѣ было извѣстно, что у него всегда пропасть дѣлъ, и я старался успокоить моего гостя увѣреніемъ, что нашъ собесѣдникъ скоро къ намъ воротится. Я спрашивалъ моего покойника, какъ онъ находитъ этого чорта. Отвѣтъ не могъ быть сомнителенъ. Иванъ Ивановичъ былъ отъ него въ восхищеніи, и признался, что онъ никогда не думалъ, чтобы черти были такіе любезные въ обществѣ; что на томъ свѣтѣ есть много людей, которые не стоятъ его хвоста. Одно, что ему не слишкомъ нравилось въ Бубантесѣ, были длинные и острые когти: онъ полагалъ, что они не совсѣмъ безопасны для его пріятелей и для книгъ, которыя онъ читаетъ, и должны мѣшать ему при сочиненіи статей, особенно критическихъ; я объяснилъ, что онъ тогда надѣваетъ шелковыя перчатки.

Но надобно сказать, что̀ было причиною отлучки Бубантеса. Проходя съ нами мимо оконъ, онъ взглянулъ мелькомъ на улицу, и увидѣлъ, что по тротуару, противъ нашего дома, какой-то мертвецъ идетъ съ кладбища въ городъ. Видъ этого скелета поразилъ его своей необычайностью: онъ путешествовалъ на одной ногѣ и въ рукѣ несъ свою нижнюю челюсть. Чортъ мигомъ догадался, что это должна быть Акулина Ви-

кентьевна, сосѣдка нашего покойника, которой онъ оторвалъ ногу и челюсть. Всегда готовый къ проказамъ, Бубантесъ побѣжалъ къ ней. Снимая свой колпакъ и кланяясь ей весьма учтиво, онъ остановилъ ее на тротуарѣ, отрекомендовался, и завелъ разговоръ, чтобы узнать, куда она идетъ. Акулина Викентьевна призналась ему, что она искала вездѣ своего злодѣя, Ивана Ивановича, и что, не нашедъ его ни на кладбищѣ, ни въ окрестностяхъ, отправилась со скуки въ городъ съ намѣреніемъ ущипнуть бывшую свою горничную, которая спала въ одномъ домѣ недалеко отсюда. Тонкому и вкрадчивому чорту не трудно было убѣдить ее отказаться отъ цѣли этой прогулки: онъ сталъ упрашивать ее, чтобы она завернула къ намъ, увѣряя, что введетъ ее въ очень пріятное общество, и съ адскимъ искусствомъ стараясь провѣдать ея покойныя страсти, которыя, несмотря на утвержденія Ивана Ивановича, кажется, не совсѣмъ угасаютъ вмѣстѣ съ жизнію въ этихъ господахъ, смертныхъ. Мой пріятель узналъ, что его старуха при жизни страхъ любила бостонъ. Я думаю, что бостонъ тоже остается въ костяхъ! Онъ обѣщалъ ей составить партію и вздавать всегда десять въ сюрахъ: старуха, которая сперва отговаривалась приличіями, была обезоружена, и согласилась на его предложеніе.

Ничего этого не зная, мы спокойно расхаживали съ Иваномъ Ивановичемъ по залѣ и говорили о домашнихъ дѣлахъ, — онъ распрашивалъ меня о дневныхъ занятіяхъ своей молоденькой вдовы, — я блестящими красками живописалъ ему ея добродѣтели, — какъ вдругъ дверь отворяется настежъ, и являются Бубантесъ съ своимъ изломаннымъ женскимъ скелетомъ, который начинаетъ жеманно намъ кланяться и присѣдать на одной ногѣ почти до самаго полу. Иванъ Ивановичъ тотчасъ узналъ свою сосѣдку, и укрылся за дверью гостиной. Я, ничего не подозрѣвая, старался

принять ее какъ-можно вѣжливѣе, но Бубантесъ подбѣжалъ ко мнѣ и шепнулъ: «Чурка! зажигай свѣчи, лампы. Иллюминація! Балъ!...... Мой другъ, я даю у тебя вечеръ. Подавай карты!...... Да проворнѣе же, любезнѣйшій! Скоро станутъ звонить къ заутрени.» Я, безъ памяти, бросился исполнять его приказаніе, желая угодить старинному пріятелю, хотя и не понималъ его затѣи и даже, собирая по ящикамъ огарки, украденные лакеями у ключницы, немножко дивился этимъ преисподнимъ манерамъ, которыя позволяли ему распоряжаться въ чужомъ домѣ какъ въ своемъ собственномъ болотѣ. Но огарки были налѣплены по всѣмъ окнамъ и карнизамъ, лампы налиты водкою, за неотысканіемъ масла, ломберный столикъ поставленъ, все изготовлено, зажжено и устроено въ одно мгновеніе ока. Комната запылала великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Я намѣкнулъ Бубантесу, что мы встревожимъ всю улицу; кто-нибудь увидитъ свѣтъ, да и насъ, въ покояхъ: вѣдь это выходитъ видѣніе! — Ничего! отвѣчалъ чортъ: пусть ихъ смотрятъ. Кто теперь вѣритъ въ видѣнія!

Не знаю, какимъ образомъ, но, между тѣмъ какъ я занятъ былъ приготовленіями, Акулина Викентьевна увидала своего кладбищнаго сосѣда за дверью. Я не берусь описывать шума, который раздался въ залѣ вслѣдъ за открытіемъ: это превосходитъ всѣ риторики *сего* и *того* свѣта.

— Ахъ, ты разбойникъ! закричала наша гостья, съ яростью бросаясь на бѣднаго покойника: такъ ты здѣсь? Проучу я тебя вѣжливости! Я тебѣ докажу, голубчикъ, какъ должно обращаться съ дамами.......

Мои читатели уже знаютъ, что нижняя челюсть была у ней оторвана, и что она носила ее въ рукѣ. Это, разумѣется, поставляло ее въ невозможность говорить. Чтобы произнести привѣтствіе, которымъ она встрѣтила Ивана Ивановича, она принуждена была взять эту

нижнюю челюсть за концы обѣими руками, приставить ее къ верхней и поддерживать у отверзтій ушей. Когда она говорила, или точнѣе, ревѣла, ея челюсти раздвигались такъ широко какъ у крокодила, и смыкались такъ быстро какъ ножницы въ рукѣ портнаго, производя при каждомъ словѣ страшное хлопанье костями и стукъ зубовъ однихъ о другіе, сухой, скрежетный, пронзительный. Прибавьте еще, при всякомъ движеніи, трескучій стукъ костей остальной части остова, дряхлаго, разбитаго, несвязаннаго по суставамъ. Ужаснѣе и отвратительнѣе этого я ничего не запомню по нашему сверхъестественному міру.

— Ты мерзавецъ! ты мошенникъ, грубьянъ! вопила она, и вдругъ, отнявъ отъ головы свою подвижную челюсть, замахнулась бить ею Ивана Ивановича.

Чортъ прыгнулъ съ своего мѣста, и сталъ между ними. Ударъ разразился на рогахъ Бубантеса. Мой покойный гость былъ спасенъ. Надобно признаться, что эти черти — благовоспитаны какъ-нельзя лучше! Я не хочу унижать моихъ соплеменниковъ, — но изъ нашихъ домовыхъ никто бъ не догадался этого сдѣлать.

— Сударыня, сказалъ онъ, сладко улыбаясь сердитой старухѣ: не дѣлайте шуму въ этомъ домѣ. Здѣсь спятъ люди. Вы знаете приличія. Иванъ Ивановичъ мой старинный пріятель. Мы съ нимъ были знакомы и дружны еще на томъ свѣтѣ. Вы объяснитесь на кладбищѣ. Вы меня чувствительно обяжете, если отложите свои неудовольствія до другаго времени.......

Говоря это, Бубантесъ нарочно поправлялъ рукою свой галстухъ, сдѣланный изъ какой-то старой либеральной газеты. Акулина Викентьевна примѣтила его когти, и тотчасъ стала смирна какъ кошка.

— Я только для васъ это дѣлаю, господинъ Бубантесъ, сказала она, приставляя опять свою челюсть къ головѣ: что удерживаюсь отъ негодованія на этого

грубьяна. Представьте, что онъ со мной сдѣлалъ.......

И она пустилась разсказывать всѣ обстоятельства своей ссоры. Бубантесъ посадилъ ихъ на диванъ, самъ сѣлъ посереди, слушалъ съ вѣжливымъ вниманіемъ ихъ взаимныя огорченія и мирилъ ихъ своими чертовскими шутками. Я между-тѣмъ собиралъ въ лакейской старыя, засаленныя карты; трехъ тузовъ не отыскалось: да для мертвецовъ не нужно полной колоды! Когда воротился я въ залу, на диванѣ сидѣли только два скелета; чортъ стряпалъ въ углу что-то въ своемъ колпакѣ; мертвецы все-еще ссорились; онъ переговаривался съ ними по-временамъ отрывистыми фразами и, казалось, былъ очень занятъ своей работой.

— Что ты это сочиняешь, Бубантесъ? спросилъ я тихо.

— Ничего, сказалъ онъ, продолжая свое дѣло: курсъ любви теоретической и практической.

— Практической?

— Да!... Или опытной. Это все равно. Я вамъ изложилъ прежде теорію любви, а вотъ теперь начинаются опыты.

Я подсмотрѣлъ, что онъ очищаетъ отъ воздуха и набиваетъ въ свой колпакъ это красивое, летучее пламя, которое, по его словамъ, можно называть электро-магнитностью или какъ угодно. Любопытство мое возрасло до высочайшей степени. Я спрашивалъ, что онъ намѣренъ дѣлать, но проказникъ не отвѣчалъ ни слова, надѣлъ осторожно колпакъ на голову, и спросилъ, гдѣ карты. Я отдалъ ему неполную колоду. Бубантесъ отбросилъ еще всѣ трефы, избралъ четыре карты, и предложилъ ихъ мертвецамъ и мнѣ. Мы сѣли играть. Но я примѣтилъ, что, усаживая кладбищныхъ враговъ по мѣстамъ, онъ вертится около нихъ, заводитъ съ ними пустые разговоры, беретъ ихъ за руки, шепчетъ имъ въ уши, и часто поправляетъ свой колпакъ. Знаете ли, что онъ дѣлалъ? Онъ, въ это вре-

мя, съ удивительнымъ проворствомъ напускалъ имъ въ кости этого пламени, изъ колпака! Наэлектризировавъ одного мертвеца положительно, а другаго отрицательно, онъ мигнулъ мнѣ коварно, и сѣлъ вздавать карты. Акулина Викентьевна отняла челюсть, помощію которой все это время перебранивалась съ моимъ покойнымъ хозяиномъ, и положила ее при себѣ на столикѣ. Чортъ, по условію, подобралъ ей огромную игру. Она развеселилась. Напрасно было бы означать въ этихъ запискахъ всѣ движенія непостояннаго счастія въ нашемъ незабвенномъ бостонѣ, тѣмъ болѣе что я никогда не помню конченныхъ игоръ: тутъ было нѣчто любопытнѣе картъ. Акулина Викентьевна объявила восемь въ сюрахъ; Иванъ Ивановичъ, къ крайнему ея изумленію, сказалъ: «Вистъ!» И они посмотрѣли другъ на друга: во впадинахъ ихъ глазъ блеснуло то самое прелестное пламя, котораго Бубантесъ налилъ въ ихъ холодныя кости. Чортъ улыбнулся.

Игра началась, но мы съ чортомъ болѣе заняты были наблюденіемъ чѣмъ картами. Мертвецы стали вздыхать. Акулина Викентьевна страстно посматривала на бывшаго своего злодѣя, который въ самомъ дѣлѣ могъ бы понравиться всякой покойницѣ: онъ былъ, что называется, прекрасный скелетъ, – большой, – кости толстыя и бѣлыя какъ снѣгъ, – ни одного изломаннаго ребра, – осанка благородная и привѣтливая. Но я, право, не понимаю, что такое находилъ Иванъ Ивановичъ въ желтомъ, перегнившемъ, изувѣченномъ, одноногомъ остовѣ этой бабы: онъ совершенно забылъ карты, и глядѣлъ только на нее! Мы съ Бубантесомъ безпрерывно должны были напоминать ему игру, а чортъ позволялъ себѣ даже отпускать колкія эпиграммы на счетъ его разсѣянности, за которыя онъ вовсе не сердился. Но такова, видно, сила этой волшебной электро-магнитности!

Между-тѣмъ какъ я вздавалъ карты, Иванъ Ивановичъ, который давно не сводилъ глазъ съ челюсти своей противницы, рѣшился завести съ нею разговоръ.

— Съ позволенія вашего, сударыня!

Она поклонилась.

Онъ взялъ со стола эту гадкую кость, эту челюсть желтую, грязную и почти безъ зубовъ, и началъ осматривать ее съ любопытствомъ, всё болѣе и болѣе придвигая ее къ глазамъ и къ носу. Мы съ Бубантесомъ увидѣли, что онъ непримѣтно поцѣловалъ ее, и едва не расхохотались.

О электро-магнитность!!... или какъ бишь назвать ее.

Мертвецъ, чтобъ скрыть этотъ проблескъ могильной нѣжности, повернулъ челюсть еще раза два или три, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, и равнодушно положилъ на мѣстѣ. Мертвечиха пріятно ему поклонилась.

Бостонъ продолжался. Въ половинѣ одной игры, Бубантесъ вдругъ сталъ разсказывать анекдоты изъ соблазнительной лѣтописи города, обращаясь преимущественно къ Акулинѣ Викентьевнѣ. Я видѣлъ, что онъ старается завлечь ее въ разговоръ и, если можно, подвинуть на какой-нибудь разсказъ о прежнихъ ея пріятельницахъ и знакомкахъ. Онъ дѣйствительно успѣлъ въ этомъ. Акулина Викентьевна положила карты, взяла свою челюсть и пустилась злословить какъ живая. Иванъ Ивановичъ весь превратился въ слухъ. Чорту только этого и хотѣлось: онъ сообразилъ, что пока она будетъ говорить, держа обѣими руками необходимое орудіе своего краснорѣчія, ей нельзя будетъ взять карты со стола, ни думать объ игрѣ. Когда они совершенно занялись другъ другомъ, онъ потихоньку всталъ, мигнулъ мнѣ, чтобы я сдѣлалъ то же, и мы отошли всторону.

— Ну, братъ, сказалъ я ему: ты большой искусникъ!

– Что прикажешь дѣлать, почтеннѣйшій! отвѣчалъ онъ, притворясь бѣднякомъ: наше дѣло чертовское; не наплутуешь, такъ и жить не изъ чего. Начало не дурно. Но ужъ теперь надобно заварить кашу. По-крайней-мѣрѣ совѣсть будетъ чиста, что я недаромъ былъ въ этомъ домѣ. Скажи, пожалуй, кто бываетъ у вдовы этого читателя?

– Никто. Она живетъ совершенною затворницей.

– Однако жъ?

– Право, никто; кромѣ прежняго его друга, Аграфова, который живетъ въ этомъ же домѣ, съ другаго подъѣзда.

– Хорошо.

Онъ распросилъ меня подробно о расположеніи его квартиры и порхнулъ въ каминъ, приказавъ мнѣ сѣсть опять на мѣсто и поддерживать разговоръ мертвецовъ.

Я нашелъ своихъ гостей въ той степени дружескаго расположенія, на которой начинаются уже сладкія рѣчи и лесть. Акулина Викентьевна разсказывала; Иванъ Ивановичъ часто прерывалъ ее комплиментами, которымъ она мертвецки улыбалась. Они очевидно любили другъ друга, и я долженъ былъ играть при нихъ печальную роль свидѣтеля чужихъ нѣжностей. Но это участь домовыхъ! Въ свою жизнь я довольно наглядѣлся этого по ночамъ.

Черезъ минуту Бубантесъ воротился, но уже не дымовою трубой, а въ дверь, ведущую изъ гостиной въ залу. Онъ подалъ мнѣ знакъ, и мы удалились къ камину.

– Другъ мой, Чурочка, сказалъ онъ съ восторгомъ: будетъ славная исторія! Я наэлектризировалъ Аграфова и твою вдову. Ты ничего не сказалъ мнѣ, что онъ женатъ! Я нашелъ его спящимъ подлѣ почтенной своей супруги. Онъ и она разряжены были совершенно: въ нихъ не было ни одной искры этого летучаго пламени,

они, видно, давно уже не любятъ другъ друга. Да это всегда такъ бываетъ между супругами! Я порядкомъ надушилъ его электро-магнитностью. Вашей вдовѣ не много нужно было прибавить: она еще крѣпко была заряжена. Теперь, лишь только они повстрѣчаются, огонь вспыхнетъ. Ты наблюдай за ходомъ этого дѣла.

— Вотъ этого-то я не люблю, что ты изъ пустяковъ разоряешь спокойствіе этой бѣдной вдовы, которая хотѣла всегда остаться вѣрною своему покойнику, сказалъ я съ досадою. Эта женщина подъ моимъ покровительствомъ. Я далъ слово Ивану Ивановичу беречь ея добродѣтель.

— Чурка! Чурочка! воскликнулъ чортъ, бросаясь мнѣ на шею. Не сердись, мой Чурка! Я тебя смерть люблю! Я задушу тебя на своемъ сердцѣ! Такъ и быть, дѣло сдѣлано. Увидишь, будемъ смѣяться. Что тебѣ за надобность до этого мертвеца? Посмотри, онъ пришелъ сюда влюбленнымъ въ свою вдову, а уйдетъ безъ ума отъ этой старой кости. Таковы, другъ мой, люди, при жизни и по смерти!

— Въ этомъ онъ не виноватъ. Вѣдь ты самъ напроказничалъ?

— Что жъ дѣлать, мой любезный! Люди ничего не смыслятъ безъ чорта. Мы имъ необходимѣе воздуха. Но пора отправить этихъ господъ на кладбище. Неравно вдругъ зазвонятъ въ колокола, такъ мнѣ придется просидѣть весь день въ этой трубѣ. А я сегодня долженъ непремѣнно быть еще въ Парижѣ и въ Лондонѣ: безъ меня тамъ нѣтъ порядка.......

Онъ потащилъ меня къ столику, и напомнилъ мертвецамъ, что скоро начнетъ свѣтать. Они торопливо вскочили со стульевъ и простились съ нами.

— Какъ же теперь быть? сказала она ему, останавливаясь у дверей при выходѣ изъ залы. Иванъ Ива-

новичъ!....... ты, батюшка, меня обидѣлъ; оторвалъ у меня челюсть и ногу.......

— Виноватъ! Простите великодушно!

— То-то и есть, отецъ мой. Челюсть-то я нашла въ одной ямѣ, а ноги нѣтъ какъ нѣтъ. Мнѣ стыдно теперь явиться на кладбище безъ ноги. Вполночь, народу тма высыпало изъ гробовъ, прогуливаться по кладбищу, а я, по твоей милости, должна была прятаться: всѣ смѣялись надо мною! Куда ты дѣвалъ мою ногу?

— Найдемъ, матушка, Акулина Викентьевна, вашу прелестную ножечку. Вы напрасно изволили погорячиться. Я знаю мѣсто, куда ее бросилъ.

— Такъ пойдемъ же искать вмѣстѣ.

Они ушли. Мы побѣжали къ окну, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ, и увидѣли, что нашъ мертвецъ услужливо подалъ руку своей мертвечихѣ, и что они дружно поплелись во свояси по тротуару, прижимаясь одинъ къ другому. Мы расхохотались. Бубантесъ, съ радости, перекувыркнулся три раза на полу.

Отошедъ шаговъ двѣсти, они еще остановились для сообщенія другъ другу нѣжнаго поцѣлуя, — потому что Акулина Викентьевна должна была при этой операціи держать обѣими руками нижнюю челюсть подъ верхней.

Мы стали хохотать пуще прежняго.

— Жаль, сказалъ чортъ, что ты не просилъ его навѣщать тебя почаще. Любопытно было бы знать ходъ этого кладбищнаго романа.

— Что тутъ любопытнаго! возразилъ я. Лягутъ въ могилу, да и будутъ цѣловаться.

— Нѣтъ, не говори этого! сказалъ онъ. Очень любопытно! Это летучее пламя одарено удивительными, очень разнообразными свойствами. Оно производитъ между прочимъ странный родъ опьяненія. Стоитъ только соединить его съ тѣломъ: тогда оно, само, безъ содѣйствія чорта, произведетъ въ немъ рядъ глупостей и при-

ключенiй, которыхъ напередъ и предвидѣть невозможно. Знаешь ли, Чурка: сдѣлай мнѣ эту дружбу....... я черезвычайно занятъ!..... поди ты, такъ, дня черезъ три, на кладбище, да узнай, что тамъ дѣлается. Я бы тебя не безпокоилъ: о, я самъ пошелъ бы!... да, видишь, мнѣ какъ-то не ловко ходить туда. Повѣрь мнѣ, другъ мой, что я не люблю употреблять во зло время моихъ прiятелей....... право, я самъ пошелъ бы; я пойду, если ты хочешь....... ты понимаешь, что это не по лѣности, не по чему-либо другому прочему.......

— А потому, подхватилъ я, смѣясь его уверткамъ, что тамъ много крестовъ. Понимаю!

— Ну да! сказалъ онъ, потупивъ взоры. Съ тобой нечего секретничать. Ты все понимаешь!

Онъ бросился цѣловать меня.

— Прощай, мой Чурка! сказалъ онъ. Прощай, старой дружище! Я бѣгу въ Парижъ, и на дняхъ буду опять къ тебѣ. Ты мнѣ все разскажешь, о мертвецѣ и объ его вдовѣ. Прощай! прощай!......

И онъ исчезъ. Я принялся тушить свѣчи.

Скоро наступилъ день; люди начали вставать. Несмотря на удовольствiе, которое приносили мнѣ воспоминанiя о ночи, проведенной такъ весело, какъ давно уже я не проводилъ, я былъ безпокоенъ и почти печаленъ. Проказы Бубантеса могли имѣть непрiятныя послѣдствiя для молодой вдовы, которую я любилъ какъ родную дочь. И, къ несчастiю, я не могъ пособить имъ!....... Мнѣ хотѣлось по-крайней-мѣрѣ облегчить сердце наблюденiемъ любопытныхъ дѣйствiй электро-магнитности, которою онъ зарядилъ мою хозяйку и нашего сосѣда Аграфова, — Алексѣя Петровича. Я пошелъ въ ея комнату. Она еще спала. Я отправился къ Аграфову, который вставалъ рано.

Алексѣй Петровичъ былъ красенъ, глаза у него пылали, изъ зрачковъ били жгучiе свѣтистые лучи, которыми онъ такъ и пронзалъ свою супругу. Онъ ло-

вилъ ее и, поймавъ, осыпалъ страстными поцѣлуями. Онъ клялся, что любитъ, обожаетъ свою жену. Зарядъ ужъ, видно, былъ очень силенъ.

Жена, которая давно выстрѣляла свою любовь и въ которую чортъ не подсыпалъ пороху, имѣла блѣдное лице и глаза безжизненные. Прежде я знавалъ ее розовой и особенно удивлялся блеску ея глазъ. Она зѣвала въ объятьяхъ Алексѣя Петровича, отворачивалась, или равнодушно принимала его ласки.

Онъ бѣсился, называлъ ее холодною, утверждалъ, что она его не любитъ и никогда не любила.

Они побранились.

Проклятый Бубантесъ! онъ-то причиною этого недоразумѣнія. Зачѣмъ было нарушать равновѣсіе супружескихъ чувствованій? Они такъ хорошо жили въ холодномъ климатѣ дружбы и взаимнаго уваженія! Они и не думали о страсти! Упрекъ, которому Татьяна Лаврентьевна подверглась отъ внезапнаго взрыва нѣжности въ Алексѣѣ Петровичѣ, былъ несправедливъ и обиденъ. Она его любила, но любила только мысленно. Прежде любила она его всею душею и всѣмъ тѣломъ. Но когда тѣла утратили, въ туманной атмосферѣ супружества, весь запасъ того чудеснаго летучаго вещества, которое заставляетъ даже два куска холоднаго желѣза привлекать другъ друга и такъ сильно сплачиваетъ ихъ между собою, тогда одно только воображеніе связывало супруговъ, и они принимали за любовь призракъ любви, носившійся въ ихъ умѣ. Онъ имѣлъ всѣ формы и весь цвѣтъ дѣйствительности. Эти призраки любви можно назвать супружескими сновидѣніями, и они обманчивы какъ всѣ сновидѣнія. Весною, когда воздухъ палитъ тонкимъ и жгучимъ началомъ любви, когда оно проникаетъ всю природу, заставляя птичекъ пѣть оды, львовъ ревѣть въ пустынѣ, почки деревъ и растеній радостно вскрывать свои сокровища призматическихъ цвѣтовъ и убирать

ими свои стебли, — весною и Татьяна Лаврентьевна съ Алексѣемъ Петровичемъ бывали довольно хорошо наэлектризированы; и они поютъ, и они цвѣтутъ, становятся розовы и красивы, привлекаются и сердечно любятъ другъ друга. Но теперь была осень, — все отцвѣло, отпѣло, отревѣло, — воздухъ потерялъ свою волшебную силу: съ какой же стати Татьянѣ Лаврентьевнѣ было пылать любовью! Привыкнувъ устремлять къ мужу всѣ свои мысли, сосредоточивать въ немъ всѣ свои надежды, она любила его умомъ, — какъ любятъ въ супружествѣ осенью и зимою. Алексѣй Петровичъ, котораго чортъ накатилъ вдругъ положительной любовью, или электромагнитностью, не хотѣлъ понять этого, и у нихъ вышла ужасная ссора, но я, по долгу домоваго, не смѣю пересказывать ея подробно.

Алексѣй Петровичъ былъ такъ сердитъ, что я удралъ отъ нихъ въ спальню своей хозяйки.

Она одѣвалась передъ зеркаломъ, или точнѣе, стояла въ рубашкѣ, и любовалась своей красотою. Я никогда не видалъ ея столь прелестною. Цвѣтъ ея лица дышалъ необыкновенною свѣжестью; глаза мерцали какъ бриллiянты; она совершенно походила на молодую розу, которая раскрылась ночью и при первыхъ лучахъ солнца лелѣетъ на своихъ нѣжныхъ листочкахъ двѣ крупныя капли росы, въ которыхъ играетъ юный свѣтъ утра, упоеннаго дѣвственнымъ ея запахомъ. Мнѣ казалось, что моя хозяйка тоже издавала весеннiй ароматическiй запахъ. Можетъ-статься, мнѣ только такъ казалось. Но то вѣрно, что она, легши вчера спать торжественно влюбленною въ покойнаго мужа, встала сегодня полною другихъ чувствованiй и объ немъ не думала. Люди смѣются надъ вдовами, которыя обнаруживаютъ неутѣшную печаль по своихъ мужьяхъ, обрекаютъ себя на вѣчный плачъ на ихъ гроб-

ницахъи потомъ вдругъ выходятъ за мужъ: я не понимаю, что въ этомъ можетъ быть смѣшнаго! Чѣмъ виноваты вдовы, когда любовь зависитъ отъ воздуха? У людей нѣтъ толку ни на копѣйку. Притомъ же, въ самую безутѣшную вдову чортъ можетъ вдругъ подлить ночью этой летучей жидкости, какъ въ Лизавету Александровну! Вчера она даже не помнила о своей красотѣ; теперь, прямо съ постели, невольно побѣжала къ зеркалу. Теперь она была безпокойна и скучна. Легкіе вздохи вырывались порой изъ ея прекрасной груди, которую она тщательно прикрывала рубашкою отъ любопытства собственныхъ взоровъ. Прежде она этого не дѣлала. Это пробужденіе тревожливой стыдливости должно быть также слѣдствіе свойствъ отрицательной электро-магнитности. Я самъ примѣчалъ, что женщины становятся стыдливѣе весною. Но возвращаясь къ легкимъ вздохамъ, — они очевидно не относились къ Ивану Ивановичу. Они ни къ кому не относились. Скука и томное чувство одиночества, въ которомъ она не признавалась даже передъ собою, производили въ ней это неопредѣленное волненіе. Вскорѣ она занялась своимъ туалетомъ, и нарядилась съ необыкновеннымъ вкусомъ, — въ первый разъ со смерти мужа, — въ той мысли, что не равно кто заѣдетъ.

— Ахъ, какъ скучно! Если бъ кто-нибудь заѣхалъ ко мнѣ сегодня!.... сказала она про себя, когда я уходилъ въ свой запечекъ.

— Лишь бы этотъ кто-нибудь не былъ наэлектризированъ положительно, сказалъ я, тоже про себя. Иначе ты пропала, бѣдняжка!.....

Но несчастіе этой доброй женщины было рѣшено.

Алексѣй Петровичъ, поссорившись съ супругою, скучалъ ужасно въ своемъ кабинетѣ, и вспомнилъ, что въ томъ же домѣ живетъ милая и прелестная женщина, жена покойнаго его друга. Онъ тотчасъ одѣлся,

причесался съ большимъ тщаніемъ, взялъ бѣлыя перчатки, — чего никогда не дѣлалъ поутру, — и отправился къ ней съ визитомъ, надѣясь разсѣять свое супружеское горе въ ея сообществѣ. Онъ забылъ, что прежде находилъ мою хозяйку очень скучною, за ея сентиментальность къ покойнику, и называлъ «Эфезскою матроною»; летучій огонь подавлялъ въ немъ всякое разсужденіе; онъ теперь помнилъ только о красивомъ личикѣ Лизаветы Александровны.

Какъ скоро онъ вошелъ въ залу, я затрепеталъ въ запечкѣ. Мнѣ казалось, что вижу дракона, который приходитъ пожрать мою розовую вдову. Я проклялъ Бубантеса. Но этотъ плутъ давно уже не боится проклятій.

Любопытство заставило меня прокрасться въ гостиную, чтобъ быть свидѣтелемъ ихъ встрѣчи. Для большаго удобства наблюденій, я влѣзъ въ печь и смотрѣлъ на нихъ въ полукружье, находящееся въ заслонкѣ.

Лизавета Александровна задрожала всѣмъ тѣломъ, услышавъ издали только голосъ мужчины. Но она скоро опомнилась, подавила свое волненіе, вышла къ гостю совершенно спокойною, и приняла его съ обыкновенною привѣтливостью. Они разговаривали нѣсколько времени, не глядя въ лице другъ другу. Но вскорѣ, по случаю привѣтствія, которое сдѣлалъ Аграфовъ на счетъ ея наряда, взоры ихъ встрѣтились, и я видѣлъ, какъ тонкіе свѣтистые лучи того же самого пламени, который намъ показывалъ Бубантесъ, перелетѣли изъ однихъ глазъ въ другіе и слились. Нѣсколько мгновеній явственно видны были двѣ огненныя черты, протянутыя между ихъ противоположными зрачками. Они почувствовали родъ электрическаго удара, который обличился ихъ смущеніемъ. Ни онъ, ни она не выдержали дѣйствія этихъ пронзительныхъ лучей, потупили взоры и покраснѣли. Съ той мину-

ты, они какъ-будто боялись другъ друга, были весьма осторожны въ рѣчахъ, старались быть веселыми, болтать, шутить, но это имъ не удавалось. Они рѣшились взглянуться еще разъ, и, къ обоюдному удивленію, не почувствовали того потрясенія, какъ прежде. Это ихъ ободрило. Они начали болтать и смѣяться. Я ушелъ. Нечего было смотрѣть болѣе. Искры заброшены, и пожаръ въ тѣлахъ былъ неизбѣженъ. Держись, братъ умъ!..... Или лучше, спасайся заранѣе.

Они долго смѣялись въ гостиной, что весьма естественно. То самое тайное воздушное пламя, которое въ образѣ молніи дребезжетъ дубъ и превращаетъ дома̀ въ пепелъ; которое въ магнитѣ сцѣпляетъ два куска мертваго минерала, въ живыхъ существахъ связываетъ двое устъ красно-каленымъ поцѣлуемъ, — то самое пламя дѣлаетъ человѣка остроумнымъ въ первыя минуты любовнаго опьяненія. Впрочемъ кислотворъ производитъ то же дѣйствіе. Рецептъ для остроумія: — возьми большой стекляный колоколъ, посади подъ него глупца, и нагони въ воздухъ, заключенный въ колоколѣ, лишнюю пропорцію кислотвора, — глупецъ станетъ отпускать удивительныя остроты. Я самъ видѣлъ этотъ опытъ, когда жилъ въ Стокгольмѣ, за печкой у одного химика, и съ тѣхъ поръ гнушаюсь всякимъ остроуміемъ. Производство его ни чуть не мудренѣе приготовленія газоваго лимонада и искуственной Зельцерской воды. Вотъ почему, я ушелъ въ свой запечекъ, какъ скоро Лизавета Александровна и Алексѣй Петровичъ начали остриться.

Со всѣмъ тѣмъ я не отвергаю, что весьма было-бы полезно посадить подъ такой колоколъ иную литературу и цѣлый городъ, въ которомъ есть много типографій.

Они разстались, восхищенные другъ другомъ и обѣщавъ видѣться чаще прежняго.

Лиза, — такъ буду называть ее, потому что я очень

любилъ мою бѣдную хозяйку, — находила, вышивая вензель своего покойнаго мужа, что у Аграфова глаза прекрасные. Что касается до Аграфова, то онъ не скрывалъ отъ себя того факта, что моя хозяйка восхитительна съ головы до ножки, и потому, возвратясь домой, наговорилъ своей женѣ тысячу милыхъ привѣтствій.

Аграфовъ былъ не дуренъ собою, но я никогда не одобрялъ его носа; хорошо воспитанъ и еще довольно молодъ. Онъ съ успѣхомъ занимался искусствами, особенно живописью, и я помню, что у него былъ отличный погребъ, изъ котораго я вытаскалъ пропасть бутылокъ стараго вина и ликеровъ, — за что, разумѣется, невинно страдали лакеи. Этотъ человѣкъ не вѣрилъ въ домовыхъ! И я любилъ его за это, хотя ненавидѣлъ за все прочее, — право, не знаю за что, — такъ! — Зато, что онъ мнѣ не нравился. Но Лиза рѣшительно стала находить его очень любезнымъ. Повременамъ, она содрогалась при этой мысли, которую считала преступною: тогда поспѣшно брала она книгу и читала скоро, чтобы забыть его. Прочитавъ нѣсколько страницъ, несчастная Лиза была увѣрена, что она совершенно къ нему равнодушна.

Я уже предвидѣлъ ужасную борьбу души съ тѣломъ въ этой добродѣтельной женщинѣ. О, если бъ побѣда осталась на сторонѣ духа!

Аграфовъ, день-ото-дня болѣе влюбленный, окружалъ ее всѣми прельщеніями, и она беззаботно брела въ нихъ, не примѣчая пропасти. Маленькія услуги, тонкія доказательства уваженія, помощь въ дѣлахъ, — ничто не было забыто. Сосѣдство скоро превратилось въ дружбу. Аграфовъ убѣдилъ свою жену сблизиться съ вдовою своего пріятеля, и съ нѣкотораго времени они были неразлучны. Эта дружба опечалила меня всего болѣе. Знаю я эти дружбы! Я сиживалъ въ запечкахъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, отъ Римлянъ до Сѣверныхъ Американцевъ, и вездѣ видѣлъ одинако-

вые слѣдствія дружбы двухъ женщинъ, которая заводилась по убѣжденію мужа одной изъ нихъ. Таковъ законъ природы!

Лиза прелестно наряжалась и часто впадала въ глубокую задумчивость.

Я сидѣлъ ночью на своемъ любимомъ диванѣ, погруженный въ прискорбныя размышленія о перемѣнѣ, которая въ теченіе десяти или одиннадцати дней произошла въ этомъ домѣ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою Бубантеса. Онъ стоялъ подбоченясь, въ двухъ шагахъ отъ меня, и смѣялся своимъ чертовскимъ смѣхомъ.

— Что это, Чурка? вскричалъ онъ. Ты даже не видѣлъ, какъ я пришелъ сюда! Ты печаленъ?

— Пропади ты, проказникъ! сказалъ я. Посмотри, что ты надѣлалъ! Ты испортилъ мою добрую хозяйку. Это проклятое пламя, которое ты прилилъ въ нее, дѣлаетъ въ ней ужасныя опустошенія.

— Да! отвѣчалъ онъ: ихъ кровь — удивительно горючее вещество.

Я побранилъ Бубантеса за его неумѣстныя шутки, но онъ расцѣловалъ меня, засыпалъ увѣреніями въ своей дружбѣ, наговорилъ мнѣ столько пріятнаго и умнаго, что я не въ силахъ былъ на него гнѣваться. Признаюсь, у меня есть слабость къ этому чорту!

Мы усѣлись рядкомъ. Онъ сталъ описывать мнѣ свои подвиги въ Парижѣ и Лондонѣ, всѣ свои журнальныя и газетныя плутни, и, если не лгалъ, позволительно было заключить изъ его успѣховъ, что люди — большіе ослы.

— Ну раскажи мнѣ теперь, прибавилъ онъ, что тутъ дѣется.

Я разсказалъ. Слушая меня, онъ прыгалъ отъ радости, потиралъ руки и приговаривалъ: «Хорошо! Очень хорошо! Славно, мой Чурило!» Но, когда я о-

кончилъ, онъ замолкъ, призадумался, и принялъ такой печальный видъ, что я, глядя на него, заплакалъ.

— Что съ тобой, мой другъ? вскричалъ я, умильно взявъ его за рога и цѣлуя его въ голову, которую орошалъ теплыми слезами. Скажи, милый Бубашка, что съ тобою? Ты несчастенъ?

— Да! сказалъ онъ, но сказалъ такимъ жалкимъ голосомъ, что у меня разорвалось сердце. Подумай только самъ: что жъ изъ этого выйдетъ? Они любятъ другъ друга, и все тутъ. Это можетъ кончиться только самымъ пошлымъ образомъ, — какъ въ новомъ Французскомъ романѣ, — тѣмъ болѣе что она вдова и свободна. Такъ что жъ это за исторія? Неужли мы съ тобой трудились для такого ничтожнаго результата?

— Чего жъ ты отъ меня хочешь, мой другъ? спросилъ я. Все для тебя сдѣлаю! Только не печалься.

— Вотъ видишь, Чурка, сказалъ онъ: это дѣло идетъ не saладъ. Тутъ нужно подбавить сильныхъ ощущеній, великихъ чувствованій, большихъ несчастій: тогда только можно будетъ смѣяться. Надобно во-первыхъ, чтобы какой-нибудь благородный юноша влюбился въ твою вдову. Я объ этомъ подумаю. Теперь я очень занятъ журналами. А между-тѣмъ не худо было бы возбудить ревность въ женѣ Аграфова. Это необходимо, для занимательности. Скажи мнѣ, что онъ дѣлаетъ? Не пишетъ ли стиховъ къ твоей хозяйкѣ? писемъ?

— Нѣтъ, сказалъ я: онъ тайно отъ нея, и отъ жены, пишетъ ея портретъ въ своемъ кабинетѣ.

— Ахъ, вотъ это хорошо! воскликнулъ Бубантесъ, вспрыгнувъ отъ восторга. Ты знаешь, гдѣ онъ прячетъ свою работу?

— Знаю. Въ конторкѣ, между бумагами.

— Пойдемъ къ нимъ. Надобно перевести этотъ портретъ въ туалетъ жены.

— Да это не водится!....... Оно какъ-то будетъ неестественно.

— Предоставь мнѣ. Я сдѣлаю его естественнымъ. Люди вѣрятъ не такимъ небылицамъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Проклятый бубантесъ опять соблазнилъ меня! Мы пошли на половину Аграфовыхъ. Я повелъ Бубантеса въ кабинетъ мужа, показалъ ему конторку и, по его приказанію, вытащилъ миньятюру въ замочную скважинку. Онъ положилъ ее на ладонь и началъ всматриваться.

— Похожа! сказалъ онъ. У него есть талантъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ онъ когда-нибудь написалъ мой портретъ.

Онъ взялъ меня объ-руку, и мы отправились изъ кабинета въ спальню. Мы остановились подлѣ кровати Аграфовыхъ; чортъ, по своему обычаю, принялся дѣлать разныя замѣчанія о спящихъ супругахъ; мы болтали и смѣялись минутъ десять; наконецъ онъ вспомнилъ о дѣлѣ, и поворотился къ туалету. Онъ выдвинулъ одинъ ящикъ, только-что хотѣлъ положить портретъ на бумаги, и вдругъ опрокинулся наземь, испустивъ пронзительный стонъ. Я отскочилъ въ испугѣ, и увидѣлъ, что подлѣ насъ стоитъ дюжій, пѣнящійся отъ ярости, чортъ съ огромными золотыми рогами. То былъ Фифи-коко, самъ главноуправляющій супружескими дѣлами! Онъ откуда-то увидалъ Бубантеса въ спальнѣ Аграфовыхъ, влетѣлъ нечаянно, и боднулъ его изъ всей силы въ бокъ рогами, въ то самое время какъ мой пріятель протягивалъ руку къ ящику.

— Ахъ, ты мерзавецъ! закричалъ Фифи-коко лежащему на землѣ чорту журналистики: что ты тутъ дѣлаешь? какъ ты смѣешь распоряжаться по моему вѣдомству?

Бубантесъ, схватился за бокъ, быстро вскочилъ на

ноги, отступилъ къ двери и остановился. Тутъ онъ заложилъ руки назадъ, и, глядя на Фифи-коко съ неподражаемымъ видомъ плутовства, равнодушія и невинности, возразилъ:

— Ты, любезный мой, бодаешься какъ старый быкъ. Знаешь ли, что это признакъ очень дурнаго воспитанія?

— Молчи, лѣшій! гнѣвно сказалъ Фифи-коко. Я хочу знать, кто тебѣ далъ право искушать людей по моей части, и зачѣмъ вмѣшался ты въ дѣла этихъ почтенныхъ супруговъ?

— Ну что жъ такое? отвѣчалъ Бубантесъ съ презабавною беззаботливостью. Велика бѣда! Я хотѣлъ сдѣлать повѣсть для журнала. Не хочешь, какъ тебѣ угодно! Для меня все равно.

— Я самъ поведу это дѣло, сказалъ Фифи-коко.

— Изволь, изволь, почтеннѣйшій! у меня есть свои занятія, важнѣе и полезнѣе этихъ мерзостей, отвѣчалъ Бубантесъ, и утащилъ меня изъ спальни.

— Экой мошенникъ! вскричалъ Фифи-коко, подымая портретъ Лизы съ земли. Чуть-чуть не поссорилъ супруговъ изъ-за бездѣлицы!....

Бубантесъ воротился.

— Имѣя честь всегда обращаться съ супругами, сказалъ онъ ему, ты, братъ, выучился ругаться какъ сапожникъ.

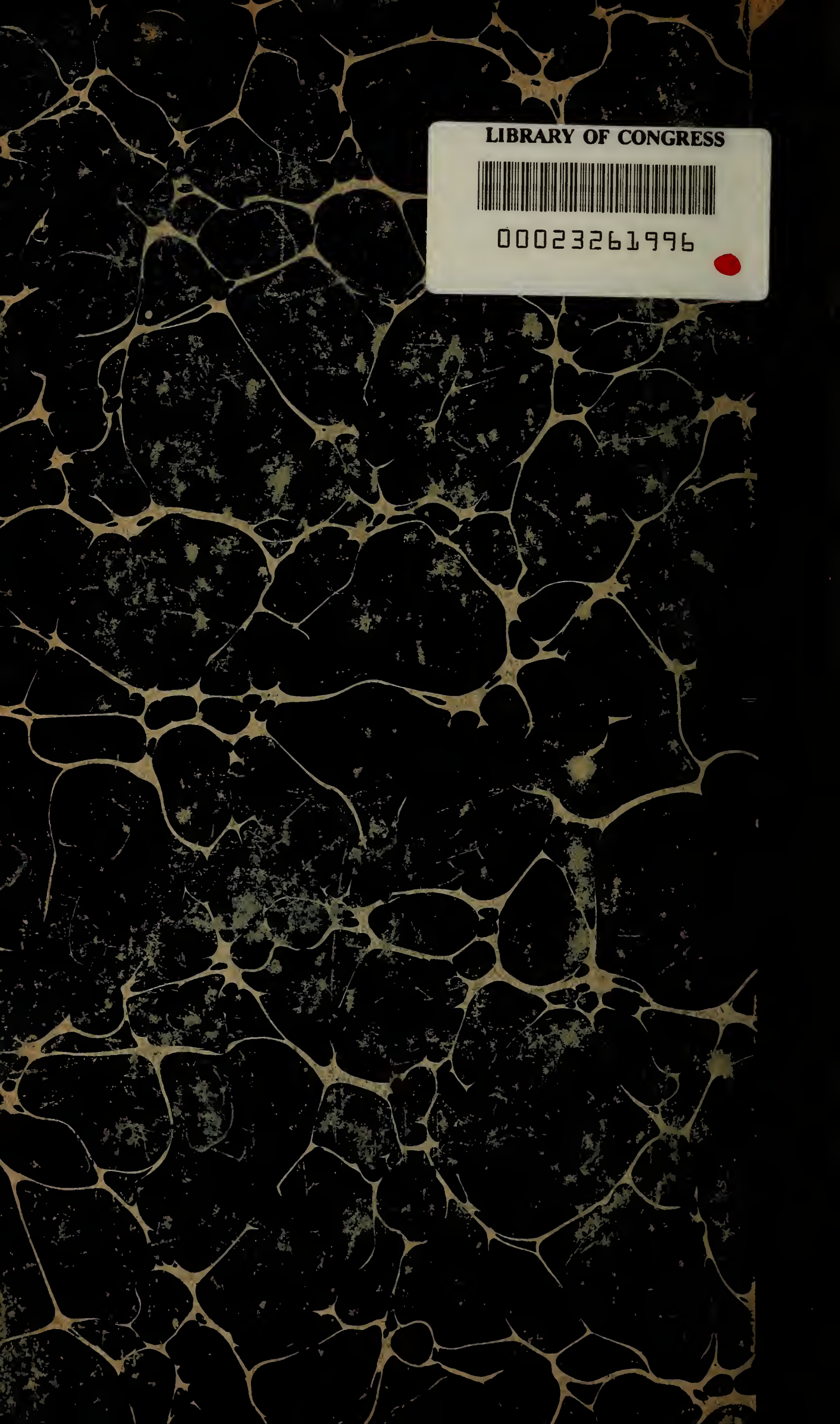
— Смотри ты своихъ журналистовъ, отвѣчалъ ему Фифи-коко: они ругаются хуже супруговъ.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Бубантесъ. Съ нимъ нечего толковать. Я бы его отдѣлалъ по своему, да онъ теперь въ милости у Сатаны. Этотъ оселъ изгадитъ все дѣло. А жаль!

Мы вышли на крыльцо. Онъ простился со мною, и полетѣлъ прямо во Францію.

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

═

LIBRARY OF CONGRESS
00023261996